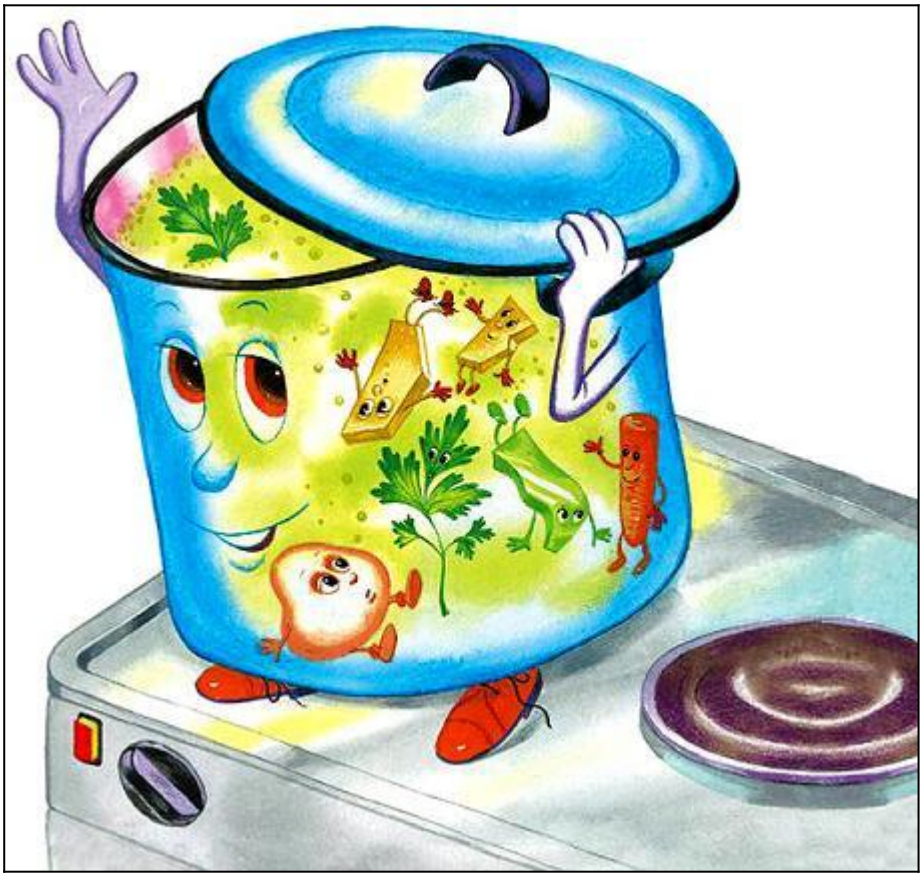
Жил-был на свете Вареник. И был этот Вареник такой ленивый, такой ленивый, что просто невероятно. Другие вареники как вареники. Из себя пышные, бока тоненькие, по краям красивые оборочки, а этот совсем особенный: толстый и неуклюжий, как простой кусок варёного теста. Все его так и звали — Ленивый Вареник.

Правда, Вареник всегда обижался и говорил, что ленивый-то не он, а девочка Маша, которая его таким сделала. Но как бы там ни было, все дразнили его и кричали, что другого такого лентяя на кухне не сыщешь. Грустно стало нашему Варенику…

И решил он отправиться в дальнюю дорогу, разыскать эту девочку Машу, которая его таким ленивым сделала, и потребовать у неё, чтобы она его переделала. Лень было нашему герою собираться в дорогу, но делать нечего. Пришлось, раз уж он так решил. Другой Вареник, правда, за час обскакал бы всю кухню и квартиру в придачу, но ведь наш-то был особенный! Не спеша он скатился с кухонного стола на высокий табурет, оттуда — на пол и пошагал. Но тут его увидел кот Васька.

— Ур-мяу! — сказал кот. — Ленивый Вареник! Кажется, я сегодня неплохо позавтракаю! — И кот хотел было его сцапать, как мышку, но… тут Вареник вдруг обнаружил невероятную прыть! Он, как молния, взлетел на плиту и от страха спрятался прямо в кастрюлю с супом.



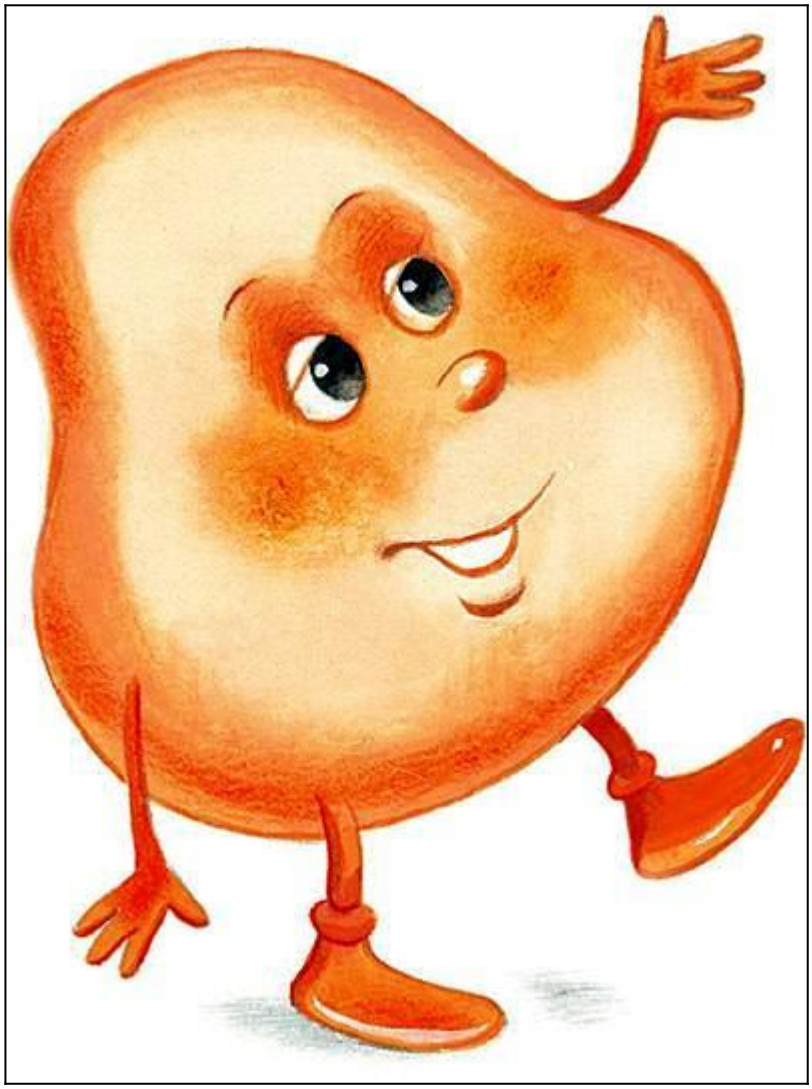
Кот от удивления только раскрыл рот, да так и остался стоять посреди кухни, пока ему в рот не попала шелуха от картошки. Тут кот обиженно фыркнул и полез под плиту ловить мышей. Это было куда более верное дело, чем возня с каким-то подозрительным Вареником.

А Вареник, как мы уже сказали, очутился в кастрюле с супом. Там плавали Петрушка и Морковь, Капуста и Картошка, и все они немедленно стали дразниться:

— А! Ленивый Вареник! Посмотрите, да он такой лентяй, что даже не научился плавать в супе!

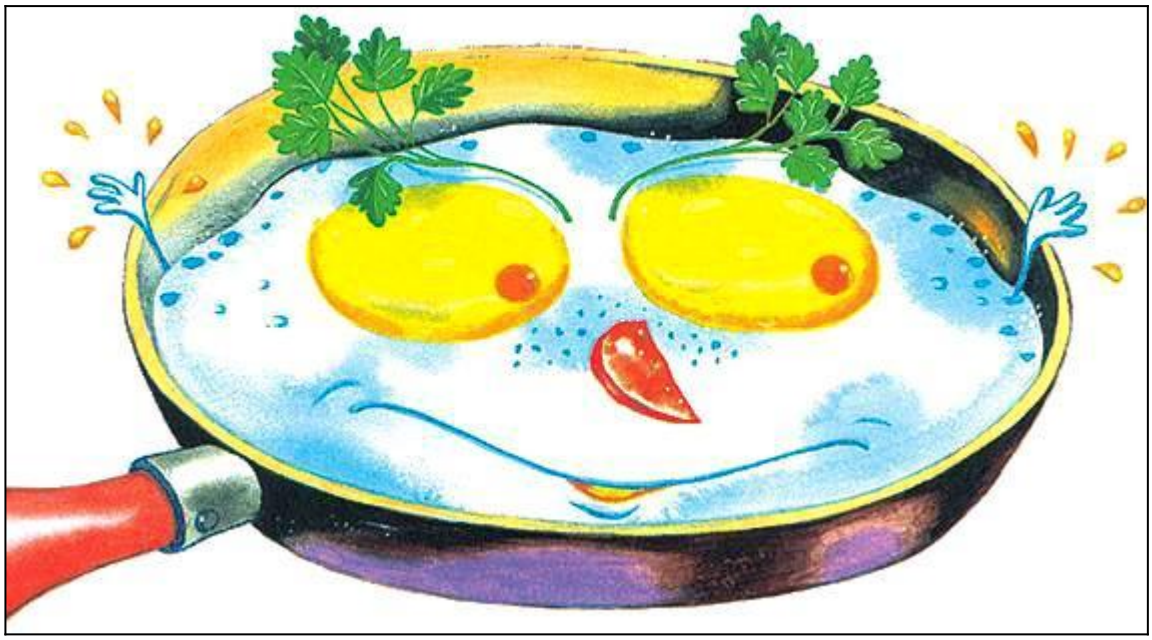
И действительно, Капуста и Картошка отлично плавали, и даже каким-то невиданным спортивным стилем, а Вареник сразу пошёл ко дну.

— Послушайте, — жалобно сказал Вареник, — бросьте вы эти ваши насмешки. Мне нужно найти девочку Машу, которая сделала меня таким ленивым.
— Уж не думаешь ли ты, что девочка Маша забралась в кастрюлю с супом? — ехидно заметила Петрушка.
— Но, может быть, вы знаете, где она сейчас? — с надеждой спросил Ленивый Вареник.— Нет, не знаем! — наперебой закричали Морковка, Капуста и Картошка. — Наш суп варит девочка Валя, очень умная и проворная девочка!
— Эй ты, Вареник! — сказала Картошка. — Посмотрел бы ты, как она меня чистила! Не успела я оглянуться, как вся шелуха с меня слетела и я стала чистенькая, беленькая и блестящая, просто прелесть! Потом меня разрезали на мелкие кусочки и опустили в прозрачную воду! Ах! Я так люблю плавать!
— Знаете что, Картошка, — ворчливо сказала Петрушка, — плаваю я не хуже вас, а пожалуй, и лучше. И, кроме того, придаю супу ар-ромат. Так что не худо бы сказать и обо мне! А то этот Ленивый Вареник, пожалуй, подумает, что вы здесь главное действующее лицо!
— И я, — сказала Морковь, — и я придаю аромат!
— Конечно! — тут же подтвердила Петрушка, потому что они с Морковью были большими приятельницами.

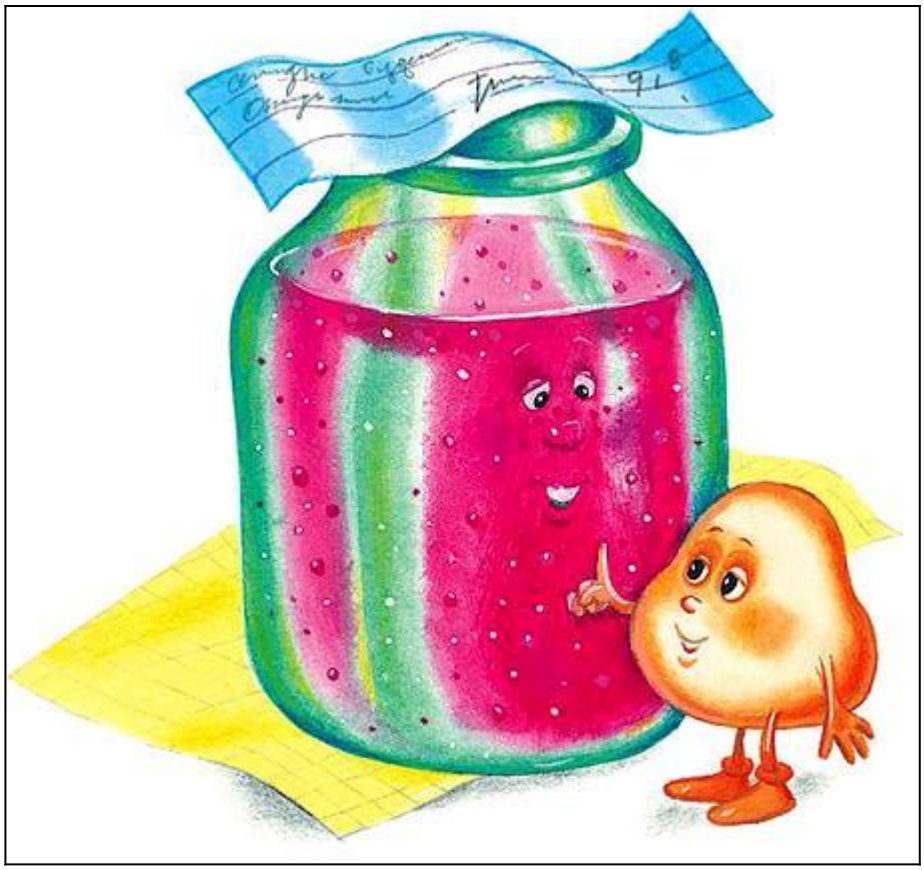


— Послушайте, — сказал Вареник, — меня совершенно не интересует, как вы плаваете и кто из вас здесь главный. Я ищу ленивую девочку Машу.
— Ах, так мы вас не интересуем? — обиженно сказала Картошка. — Так уходите из нашей кастрюли!

— Да, да! — подтвердила Капуста. — Уходите! А то, глядя на вас, мне что-то стало лень вариться!
Тут Вареник обиделся, вылез из кастрюли и плюхнулся прямо на плиту! Кота поблизости нигде не было, и Ленивый Вареник смело пошагал дальше. На соседней конфорке он увидел Яичницу. Она скворчала и урчала.
— Послушайте, Яичница! — сказал Вареник. — Не видели ли вы ленивую девочку Машу?



— При чём тут Маша? — заурчала Яичница. — Меня делала проворная девочка Валя. Давно всем известно, что Маша ничего не любит делать.
— Но сделала же она меня! — возразил Вареник.
— Ну, это просто по недоразумению, — фыркнула Яичница и брызнула на Вареника маслом.
— Ой, ой! — взвился Вареник. — Горячо!
— Извините, — сказала Яичница. — Валя забыла накрыть меня крышкой, но это с ней случается редко. Зато видели бы вы, как она ловко разбила яичко ровно напополам и я шлёпнулась на эту сковородку прямо в масло! — И Яичница от удовольствия зафырчала ещё сильнее. — Послушайте, — сказал Вареник. — Меня совершенно не интересует, как вы шлёпались на сковородку, я ищу ленивую девочку Машу.
— Фу ты, какой невежа! — обиженно сказала Яичница. — Отойдите, пожалуйста, и не мешайте мне жариться! А то у меня от разговоров и так уже один бок подрумянился больше, чем следует! — И



он брызнул на Вареника маслом, теперь уже нарочно.Тут Вареник стряхнул с себя масло и ушёл не попрощавшись: так он обиделся на Яичницу.

Идёт Ленивый Вареник дальше. Вдруг видит — Клюквенный Кисель!

— Ур-ра! — обрадовался Вареник. — Я знаю, тебя варила девочка Маша.

— Откуда ты знаешь? — удивился Кисель.

— Так ты же весь в комочках! Девочке Маше, наверное, лень было тебя помешать.

— Верно, — грустно вздохнул Клюквенный Кисель, — хоть бы кто-нибудь меня помешал! Ну, вот ты, Вареник, помешай меня, а?

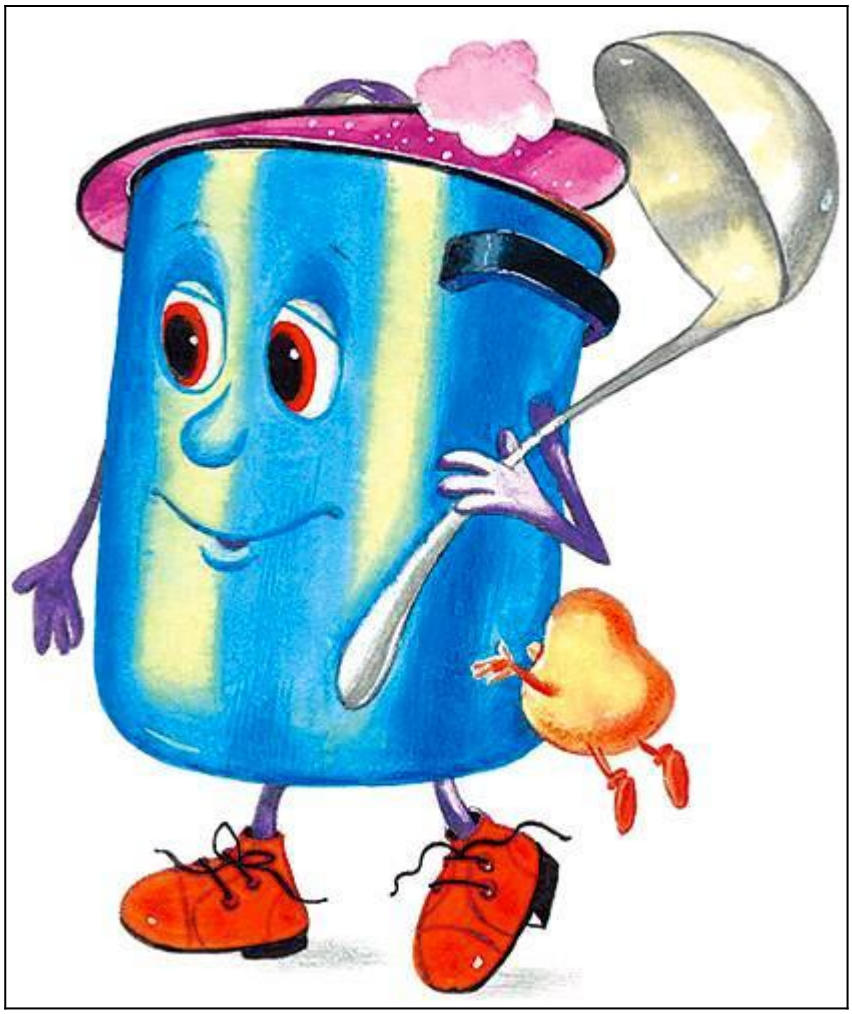
— Кто, я? — удивился Вареник. — Что ты! Мне лень! А впрочем... я, пожалуй, попробую, но при одном условии. Ты мне скажешь, где сейчас ленивая девочка Маша, которая тебя варила!— Скажу, скажу! — обрадовался Клюквенный Кисель. — Мешай меня скорее!

Ох, как Варенику не хотелось мешать Кисель! Но всё-таки он взял ложку и принялся за дело. Кисель от удовольствия только причмокивал.

А Вареник наш так старался, что чуть не угодил в Кисель. Молодец, вовремя ухватился за ручку кастрюли. Иначе долго бы ему пришлось выбираться оттуда.

— Ну, спасибо, дружище! — обрадовался Кисель. — Вот теперь я расскажу тебе, где сейчас находится девочка Маша. Лежит она в комнате на диване и сосёт большую Мятную Конфету.

— Спасибо тебе, Кисель! — сказал Вареник и стал соображать, как же ему попасть в комнату? Хоть и лентяй он был, да быстренько сообразил: при его темпах добираться ему туда — целую вечность.Спасибо, знакомая Кастрюля помогла. Она как раз в это время уходила с кухни. Наш Вареник не растерялся, мигом приклеился к краешку Кастрюли и пропутешествовал с ней в комнату прямо на стол. Осмотрелся он и видит: лежит на диване девочка Маша и сосёт большую Мятную Конфету. А такая она ленивая, эта Маша, такая ленивая, что сосёт Конфету прямо с



бумажкой Лень завернулась Сойдя в тесточечку Конфета такая невкусная?!— Здравствуй, Маша, — сказал Вареник и громко вздохнул.

А девочка так удивилась, что даже Конфету сосать перестала.

— Ты откуда тут взялся? — спросила Маша. — Что ж мне теперь, вставать с дивана и нести тебя обратно на кухню?— Я и сам дойду! — обиделся Вареник. — Ты вот мне лучше скажи, почему ты меня сделала таким ленивым, что надо мной все смеются!

— Подумаешь, смеются, — промямлила Маша. — И надо мной все смеются, и пускай смеются! Мне всё равно!

— А мне не всё равно! — рассердился Вареник. — Не хочу я быть таким ленивым! Что я, хуже других вареников, что ли?— Да, — вмешалась Мятная Конфета, — что он, хуже других вареников?

— Бедняга, — сказал Вареник Конфете, — как Маша над тобой издевается! Ей лень даже снять с тебя бумажку!

— Ой, правда, как я это терплю? — удивилась Конфета и ловко спрыгнула на пол, под диван.

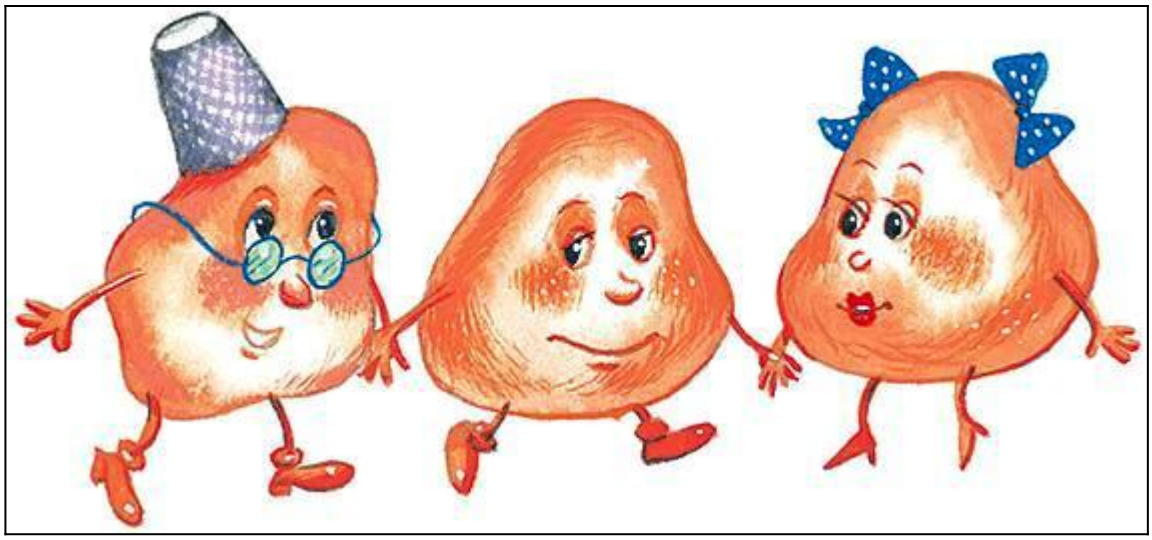
— Убежала, — ворчливо сказала Маша, — ну и ладно. Вот ты, Вареник, иди сюда. Так уж и быть, я тебя съем!— Ещё чего! — усмехнулся Вареник. — Ты меня сначала сделай как следует! Да пойди на кухню и помешай Кисель, а то он сказал, если ты этого не сделаешь, он сбежит!

— Никуда он не сбежит, — сказала Маша. — Иди сюда, я тебя съем.

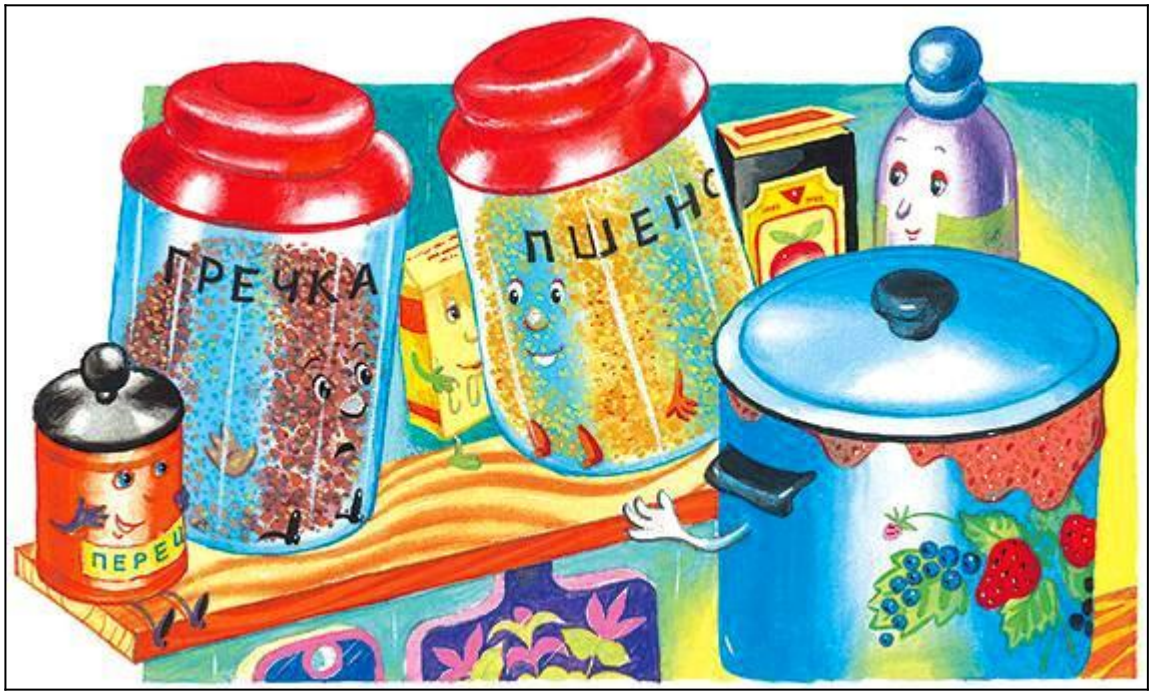
— А мне лень идти, — ответил Вареник. — Иди сама сюда.

— И мне лень! — зевнула девочка.

В это время в комнату вошла Бабушка.
— Какой смешной! — удивилась она и положила Вареник на поднос с посудой.
Хотел было наш герой куда-нибудь удрать, но… поленился. Вокруг него толкались тарелки и чашки и хором кричали:
— На кухню! На кухню!
— Как бы не так! — ворчал Вареник.
Но тут Бабушка взяла поднос и понесла из комнаты. Увидев, что его действительно несут на кухню, наш Вареник под шумок улизнул с подноса в коридоре. Больно не хотелось ему возвращаться на кухню, где над ним все смеялись и подтрунивали!
Из коридора Вареник прошмыгнул на лестницу, скатился по ступенькам и очутился… на улице.
И пошёл наш Вареник странствовать. Заглянул он в одну квартиру, а там как раз маленькая девочка приготовилась лепить вареники. Замесила она тесто, приготовила творог на тарелке и тут увидела нашего героя. И даже руками всплеснула.
— Ах, какой толстый и симпатичный!
— Это я-то симпатичный? — усмехнулся Вареник.
— А почему бы и нет? — говорит маленькая хозяйка. — Некогда мне красивые вареники делать. Наделаю-ка я лучше таких лентяев, как ты.
Смешала она тесто и творог вместе и давай лепить не то шарики, не то квадратики — не поймёшь что. Напрасно наш Вареник уговаривал её не лениться и приготовить нормальные красивые, с каёмочками, вареники. Девочка только отмахивалась:
— Вот ещё! И так сойдёт!



Вздохнул Вареник и пошёл себе странствовать дальше. Много потом с ним было приключений. И много появилось на свете его сестёр и братцев, точь-в-точь таких, как он. Их так и зовут теперь — ленивые вареники. Хотя они ужасно обижаются и считают, что ленивые-то не они, а те, кто их такими делает.



Она действительно сидела в банке, а банка стояла на полке в кухне. Рядом стояла другая банка, и в ней сидела Пшённая Крупа, большая приятельница Гречневой. В это утро Гречневая Крупа проснулась раньше обычного и легонько постучалась в стенку банки, чтобы узнать, проснулась уже Пшённая Крупа или нет. Оказалось, что Пшённая Крупа и не думала спать.

— Вы знаете, соседка, — жалобно сказала она, — я всю ночь не могла уснуть! В углу скреблась

какая-то мышь, мне казалось, что ей на ноги вылезет в моменты с по крупинке!— Какой ужас! — испугалась Гречневая Крупа. — И куда только смотрит наш кот Василий?

— Он смотрит только в банку со сметаной, — ворчливо заметила Овсянка. — Совсем забыл свои служебные обязанности.

Тут все крупы, которые сидели в банках, стали вздыхать и охать, потому что никому не хотелось быть съеденным мышами. И у всех страшно испортилось настроение.

— Подумаешь, испугались какой-то мыши! — храбро сказала Кастрюля с полки. — Эх вы, храбрецы!

— Вам хорошо, Кастрюля, — жалобно ответила ей Пшённая Крупа. — Вы большая и железная. Вас мышь кушать не станет!

И все при этом завистливо вздохнули.А в это время в кухню вошёл мальчик Федя. Его мама, которая всегда уделяла много внимания крупам, кашам и кастрюлям, сегодня надолго ушла по делам и поручила мальчику сварить гречневую кашу — себе и ей тоже.

— Ну, для меня это пустяки! — заявил Федя.

— Но ты всё-таки посоветуйся с соседкой Дарьей Ивановной, — напомнила мама перед уходом.

«Вот ещё, советоваться! — подумал про себя Федя. — Что я, маленький, не знаю, как кашу сварить?»

Федя схватил с полки самую большую Кастрюлю и налил в неё воды до самых краёв.

— Не много ли? — спросила Кастрюля.

— В самый раз! — решил Федя.

Затем он взял банку и стал сыпать в воду Крупу.

— Простите, но для меня тут нет места! — воскликнула Крупа. Феде пришлось взять кружку и вычерпать часть воды из Кастрюли. Потом он снова стал сыпать Крупу и сыпал до тех пор, пока ему не показалось, что, пожалуй, уже хватит сыпать. Крупа давно кричала: «Довольно!» — но Федя, к сожалению, её не слышал. Он поставил Кастрюлю на огонь и убежал в комнату — читать интересную книжку про двух собачек. Но не успел он прочитать и двух страниц, как почувствовал очень неприятный запах, доносившийся из кухни.

— Горю, горю! — кричала Гречневая Крупа.

Федя помчался на кухню и увидел страшное зрелище. Оказывается, Крупе было очень жарко в Кастрюле. Томясь жаждой, она быстро выпила всю воду и начала… гореть! Федя налил в Кастрюлю две кружки воды, и всё как будто успокоилось. Только Кастрюля обиженно зашипела. Она жаловалась, что на ней от жара потрескалась вся эмаль, но Федя не обратил на это никакого внимания и умчался в комнату — дочитывать историю белой собачки. А между тем Крупа скоренько выпила и эти две кружки воды и так располнела, что ей стало совсем тесно в Кастрюле.

— Уф! — сказала Крупа и полезла из Кастрюли на плиту.

— Федя! Где ты? — в ужасе завопили все крупы на полке.

Федя быстро примчался — узнать обстановку на кухне, — и так как Крупа теперь в одной кастрюле не помещалась, то пришлось часть её положить в другую кастрюлю. Теперь уже Федя не уходил в комнату. Он взял книжку с собой и читал её на кухне, одновременно помешивая кашу в обеих кастрюлях. Время от времени он искоса поглядывал на Крупу — не устроила ли она какой-нибудь новой каверзы? Но всё шло благополучно, и наконец Феде показалось, что, пожалуй, уже хватит варить кашу. Он снял её с плиты и стал пробовать. Почему-то она получилась пресная. Почему? Ведь у мамы всегда была солёная. И к тому же рассыпчатая, а эта вышла клейкая и липкая, как тесто!

— Ну и размазня! — сказал Федя и бросил ложку с кашей.

Тут над кашей стали насмехаться все крупы.

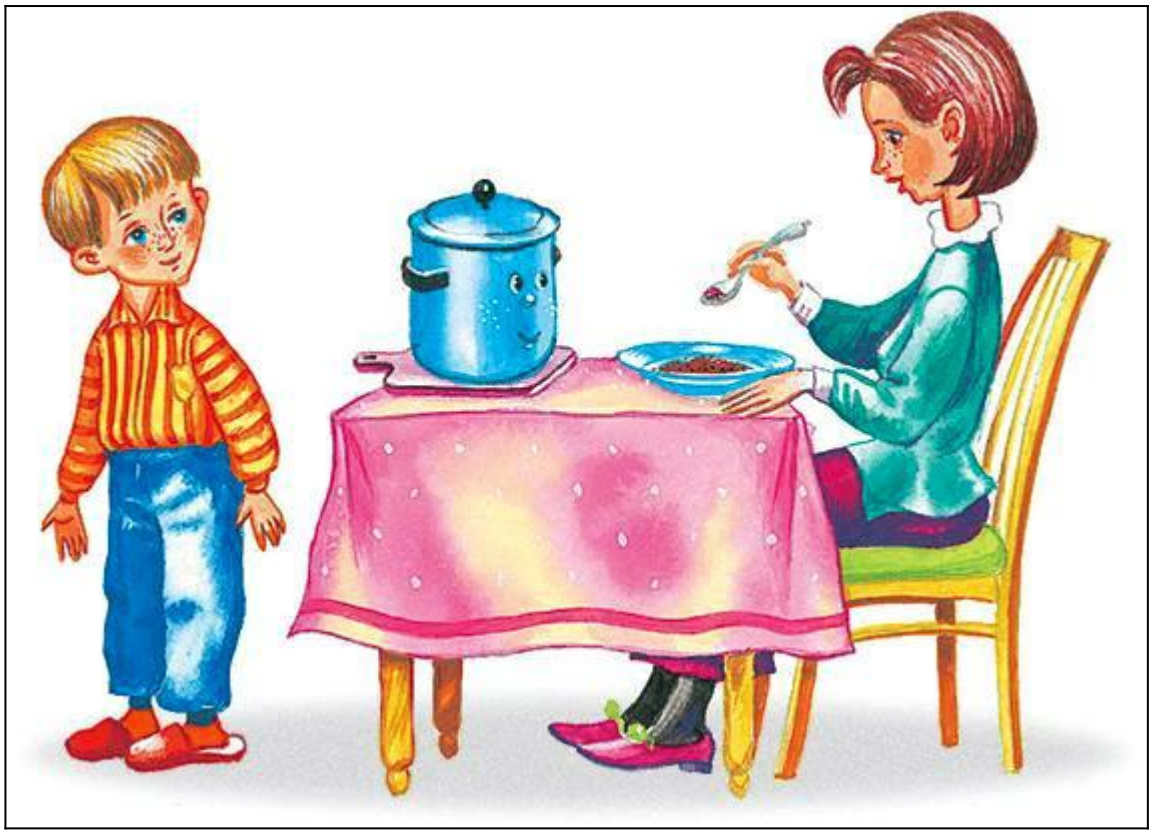
— Эй ты, размазня! — кричали они.

— Размазня! — сердито подтвердила Кастрюля, наполненная кашей.

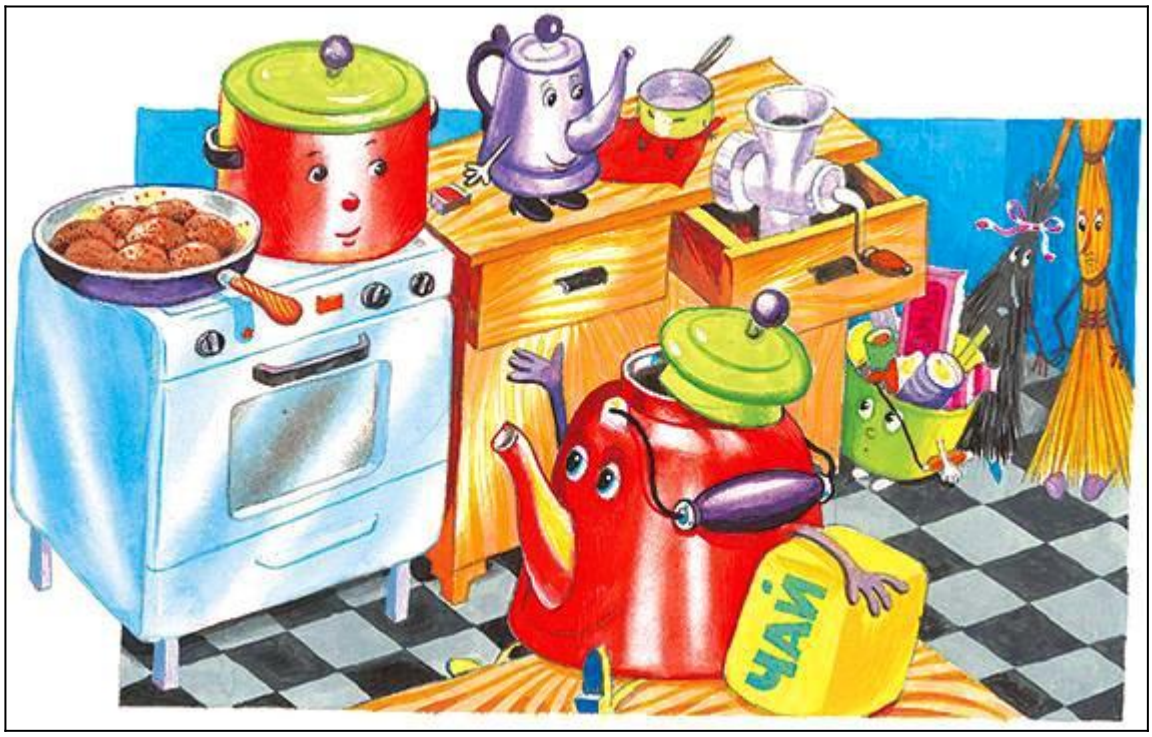
Только Столовая Ложка тихо заметила, что размазня, пожалуй, сам Федя: такой большой мальчик и не может сварить кашу! Но тут на кухню пришла Соседка. Она только ахнула, увидев Федино произведение.

А крупы и кастрюли обрадовались: «Наконец-то пришла настоящая хозяйка!» Гречневая Крупа чуть ли не сама прыгнула на сковородку. А воды в кастрюле было ровно столько, сколько нужно. Не

больше и не меньше.



Каша получилось замечательная: вкусная и рассыпчатая. Мама ела и только похваливала:
— Молодец, Федя!
Но Федя был честный мальчик.
— Знаешь, мама, — покраснев, сказал он, — у меня получилась размазня… Но зато теперь-то я уж буду знать, как варить кашу!



В кухне каждый занимался своим делом. Кастрюля варила суп, Сковородка жарила котлеты, и

только Веник да Метла стояли в углу и от нечего делать спорили, кто из них главнее.
— Ах! — сказало вдруг Мусорное Ведро. — Что-то я себя плохо чувствую!
— Это, верно, потому, что Федя, как всегда, забыл вас вынести во двор, — ехидно заметил Чайник.
— Возможно… — задумчиво протянуло Ведро. — А вот Федина мама никогда не забывает этого делать!.. Но, послушайте, мне в самом деле очень худо!
Сначала ему никто не поверил, но тут Кофейник, стоявший на полке, скривил свой носик, и без того достаточно кривой, и заявил, что ему тоже как-то не по себе.
— Это Форточка виновата! — сказало Мусорное Ведро. — Опять из неё сквозит.
— Клевета! — заскрипела Форточка. — Я уже два часа не открывалась!
Тут Веник и Метла чихнули в один голос, и оба заявили, что они определённо захворали…
Даже толстая чугунная Сковородка, стоявшая на плите, зашипела:
— Ах, мне неможется… Боюсь, я даже не смогу дожарить котлеты. Придётся, пожалуй, брать бюллетень.
— Знаете что, — таинственно сообщил Чайник, — мне кажется, тут чей-то незнакомый голос что-то прошептал над самым моим ухом.

— И слышала, как кто-то-то-то прошипел! — подтвердила Кастрюля с супом.— Хватит играть в прятки! — грозно сказал Утюг и крепко стукнул носом о подставку. — Кто здесь прячется? Выходи!

— Мы хотим вас видеть! — подтвердила Мясорубка. — А если вы не покажетесь, то будете иметь дело со мной!

— Будьте покойны, — добавил Утюг, — Мясорубка провернёт это дело!

В этот момент кто-то громко хихикнул и потом злобно зашипел так, что все насторожились.

— Ш-ш-ш! — шипел Невидимка. — Эй вы, Мясорубка! Так, значит, я буду иметь дело с вами?

— Да, — неуверенно подтвердила Мясорубка. — Уж не вы ли подстроили нам какую-то каверзу, так что все мы тут разболелись?

— Вы угадали! — хихикнул Невидимка и зашипел ещё сильнее.— Какой ужас! — простонал Чайник. — Я чувствую, что сегодня все в доме останутся без обеда!

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Невидимка. — Это ещё цветочки! И это говорю вам я — Газ! Великий Газ! Скоро меня наберётся здесь достаточно, и я взорвусь!

— Я так и знала, что это он, — грустно сказала Форточка, видимо, ей уже приходилось встречаться с Невидимкой.

— Позвольте, — возмутился Чайник, — но как вы здесь очутились?

— Меня выпустил Федя. Он покрутил краник у плиты, и вот я здесь. Чудный мальчик! Замечательный мальчик! — И Газ со свистом стал вылетать из плиты, приговаривая: — Взорвусь! Взор-р-рвусь!..

Все приготовились к гибели, и даже Веник с Метлой перестали ссориться.

— Знаете что, — печально сказал Веник, — я был не прав, уважаемая Метла. Вы — главнее.

— Нет, милый Веник, — всхлипнула Метла, — это вы, вы самый главный…А Газ всё шипел:

— Взорвусь, взорвусь!..

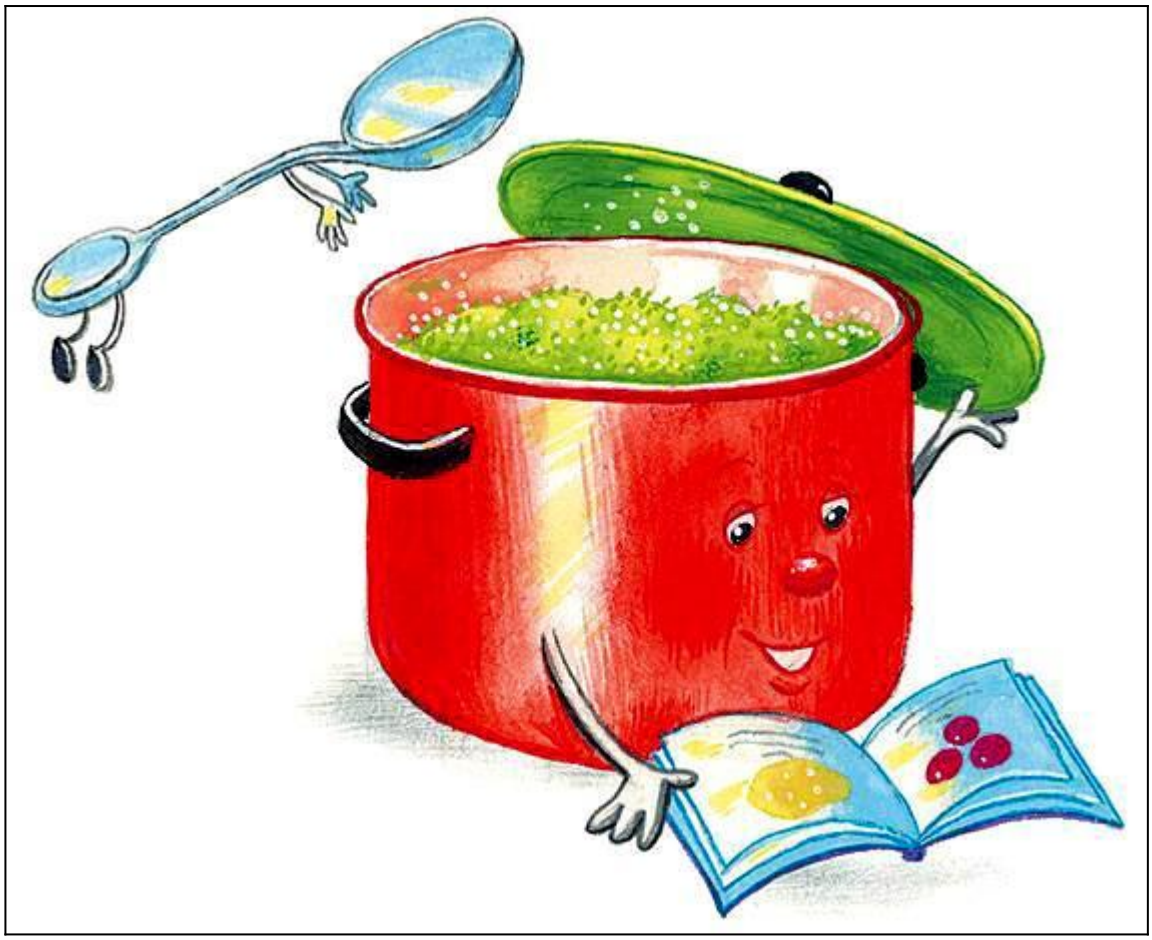
И он бы, наверное, взорвался, если бы не Форточка. Она очень вовремя открылась, и Газ, шипя от злости, выскочил на улицу. Тут его подхватил ветер и унёс куда-то далеко-далеко. А Суповая Ложка упала с плиты и по дороге ловко прикрыла кран. И Газ перестал выходить наружу.

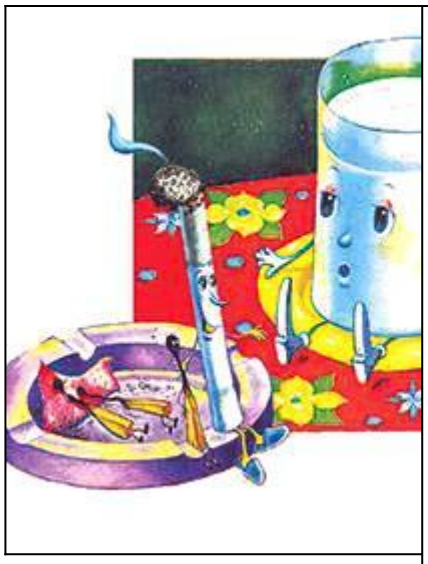
— Мы спасены! — закричал Чайник.

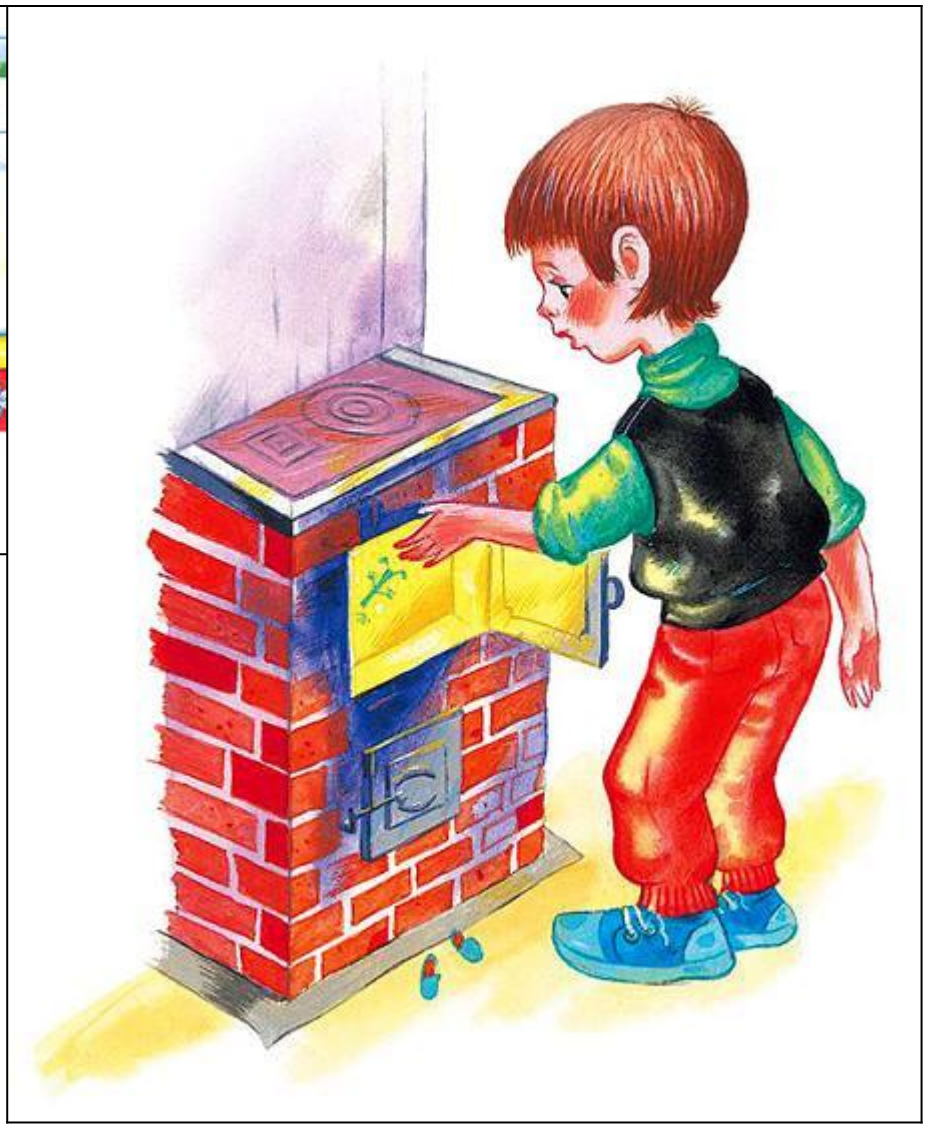
— Ура! — подхватила Кастрюля.Тут все стали благодарить Форточку и восхищаться Суповой Ложкой. Но Форточка только смущённо вертелась из стороны в сторону и уверяла, что это пустяки, а Суповая Ложка на радостях залезла прямо в суп. Здесь она чувствовала себя как дома… Сковородка продолжала мирно жарить котлеты. Одна только Мясорубка была как будто не совсем довольна.

— Считайте, что нам повезло, — сердито пролязгала она. — Ведь не во всякой кухне такая толковая

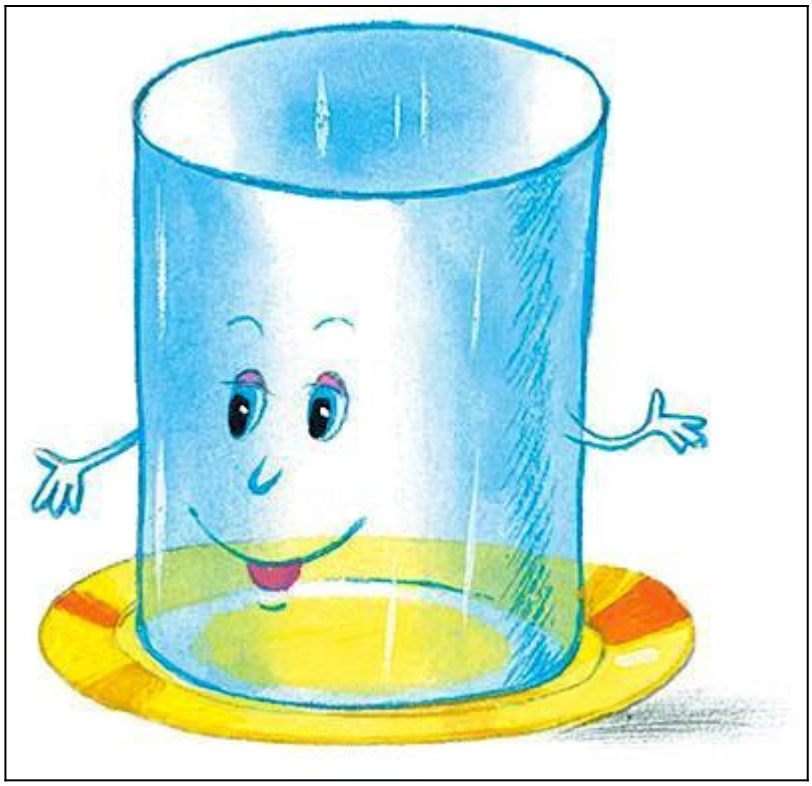
Форточка и такая находчивая Суповая Ложка.







Молоко ужасно любило, когда его наливали в стакан. Оно так и булькало от удовольствия.
— Ай да я! — говорило оно. — Посмотрите, какие у меня сливки! Я несу людям здоровье! И каждый мальчик или девочка, которые будут меня регулярно пить, станут самыми сильными мальчиками и девочками на свете!
И все, кто только находился на столе: и Хлеб, и Масло, и Сахар — соглашались с тем, что Молоко говорит чистую правду.Одна только Папироса была не согласна. Неизвестно, как она попала на стол, — наверное, кто-то из взрослых положил её в пепельницу и забыл потушить. Поэтому она дымила вовсю! Так что Чайник, который стоял рядом, всё время чихал.
— Молоко пьют грудные дети! — солидно сказала Папироса. — А взрослые мальчики курят папиросы «Беломор» или «Казбек». Кому что нравится!— Фу! — сказал Чайник и опять чихнул. — Обычно дым из печки выводят через трубу на улицу! А вы дымите в комнате и ещё хотите, чтобы этот дым вдыхали!— Зато какой солидный вид у малыша, когда он курит! — заявила Папироса.
— Если ты в очках, то это ещё не значит, что ты профессор! — съязвила Сахарница.
— Молчи, сластёна! — проворчала Папироса. — Тебе бы только конфетки да сахар!
— Скажите, вы никогда не заглядывали в дымовую трубу? — спросила у Папиросы Кочерга,



стоявшая в углу.— Нет, — ответила Папироса. — А что?

— А то, что она вся закопчённая! Вы что же, хотите, чтоб и ваш мальчик так закоптился? Он же не дымовая труба!

— Что вы понимаете! — презрительно процедила Папироса и задымила ещё сильнее. — Вот придёт сейчас Вася, посмотрим, кого он возьмёт: Стакан с молоком для грудных детей или меня, «Беломор»!— Какой ужас! — заахало Молоко. — Эта Папироса хочет, чтобы наш Вася стал хилым, слабым и закопчённым, как дымовая труба.

Но в этот момент дверь отворилась и в комнату вошёл сам Вася. Он подошёл к столу и взял... Папиросу!

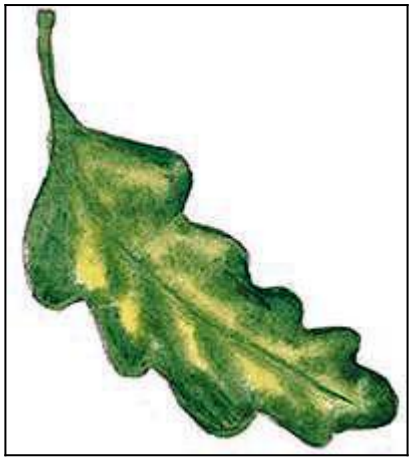
— Видали? — хвастливо сказала Папироса. — Что я говорила? Мальчик знает, кого выбрать. Мальчик понимает...Она, наверное, долго бы ещё пыхтела, дымила и разглагольствовала, если бы Вася... не открыл печку и не бросил туда дымящийся окурок. Папироса мгновенно превратилась в пепел и вместе с дымом вылетела в трубу. По дороге она успела заметить, что труба действительно очень закопчённая.А Вася принялся за Молоко, и все на столе были очень довольны.

— Молодец! — сказал Чайник. — Этот мальчик отлично понимает, что ему нужно выбрать. Он непременно будет самым здоровым и сильным человеком на свете.

Он уже давно просил каши. Неизвестно, правда, какую он имел в виду: гречневую или пшённую. Но

всё равно клянчил: «Дайте каши, дайте каши!..» Впрочем, его хозяин, мальчик Толя, каши ему не давал.

— Вот ещё! Кормить какой-то Ботинок! — И Толя сам уплетал кашу за обе щёки.— Ах, так! — обиделся Ботинок. — Не даёшь каши? Ну, погоди! — Он нарочно наскочил на камень. Гвоздь из каблука выскочил и пребольно уколол Толю прямо в пятку.



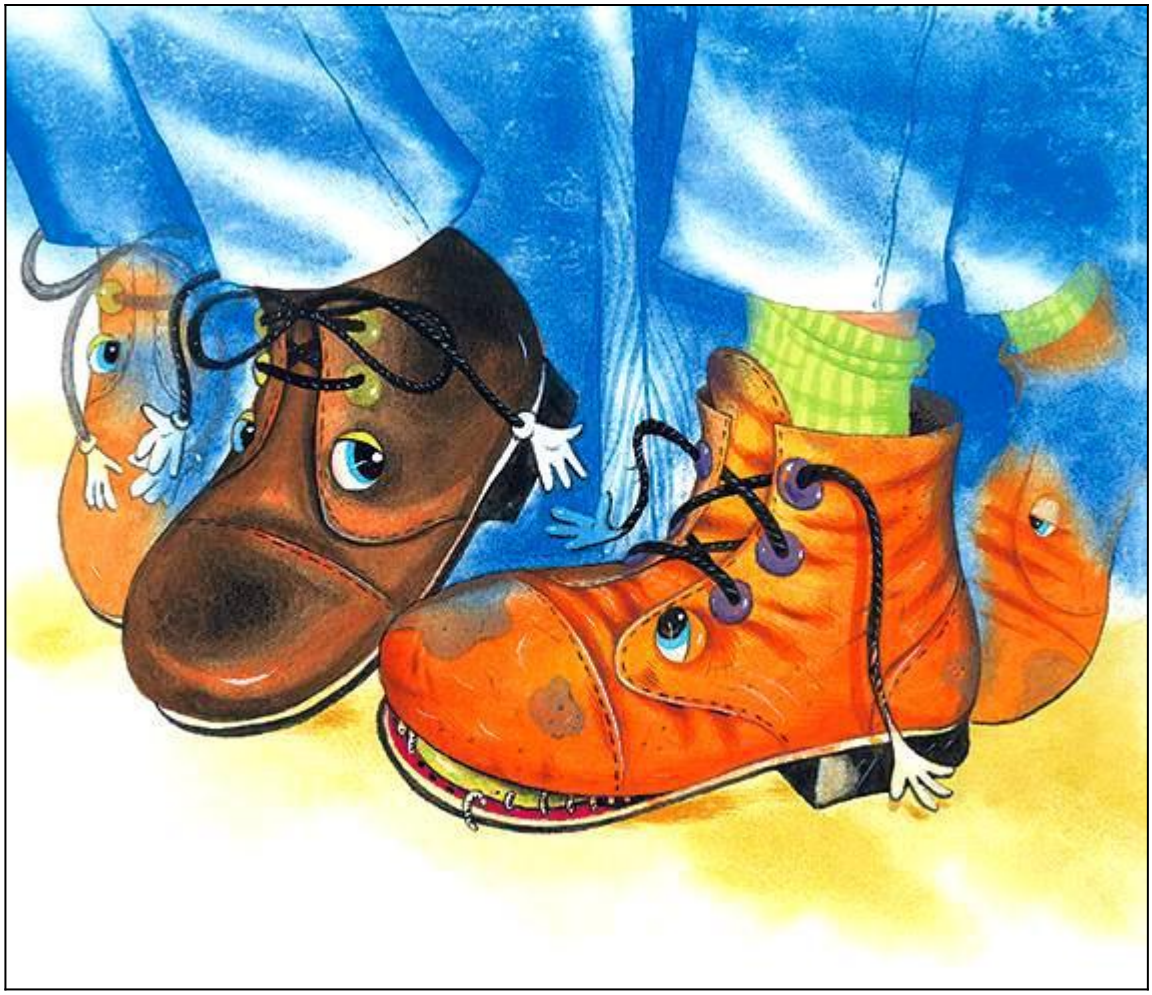
— Ой-ой-ой! — завопил Толя. — Ещё колется! — Он запрыгал на одной ноге, схватил старую тетрадку, выдрал оттуда два листа, сложил вчетверо и подложил под пятку. Гвоздь продолжал давить, но это было уже терпимо. Прихрамывая, Толя отправился в кино на детский сеанс. По дороге Ботинок просил каши у всех встречных прохожих, но никто ему каши не давал — наверное, потому, что никто с собой каши не носил. И наш Ботинок нахлебался воды. Разумеется, это не шло ни в какое сравнение с кашей, но что было делать? Он похлюпывал и урчал на каждом шагу:

— Не дали каши, ну и не надо! Я водички напился.А бедный Толя сидел в кино и беспрерывно чихал. Ботинок же весь сеанс просидел под скамейкой. Но он совсем не был этим огорчён, потому что познакомился с другим Ботинком. Для начала, по привычке, он попросил у своего нового приятеля каши. Но тот только поморщился.

— Откуда у меня каша? Терпеть не могу каши! То ли дело сапожная вакса! Обожаю! Хочешь попробовать? — И он протянул Толиному Ботинку кусочек чёрного крема. Откровенно говоря, наш Ботинок давно не пробовал ваксы, и она ему ужасно понравилась. Он уже собрался было основательно закусить, но, к сожалению, кино кончилось, и ботинки расстались.

— Постой! Где же мне достать ваксу? — закричал Ботинок вслед уходящему приятелю.

— Это ты спроси у своего хозяина! — насмешливо ответил блестящий Ботинок и, подпрыгивая, удалился.



А Толин Ботинок, прихрамывая, поплёлся домой. По дороге он так больно колол Толе пятку, что мальчик не выдержал и зашёл в сапожную мастерскую. Сапожник взял в руки Ботинок и только ахнул. А Ботинок, по обыкновению, стал просить каши.

— Я тебе дам кашу! — сурово сказал Сапожник и так хлопнул его кривым молотком по макушке, что Ботинок просто опешил.

Где это видано, чтобы ботинки ели кашу? Непорядок! — И Сапожник ловко пришил оторвавшийся носок к подошве. И тут наш Ботинок вдруг почувствовал, что ему совершенно не хочется каши. «Я ведь не мальчик! — подумал он. — Зачем же мне каша? То ли дело сапожный крем!» И он завопил во всю мочь:

— Дайте мне ваксу! Хочу ваксы-ы!

— Ну вот, — недовольно поморщился Толя, — какой попрошайка! Раньше просил каши, теперь просит ваксы!

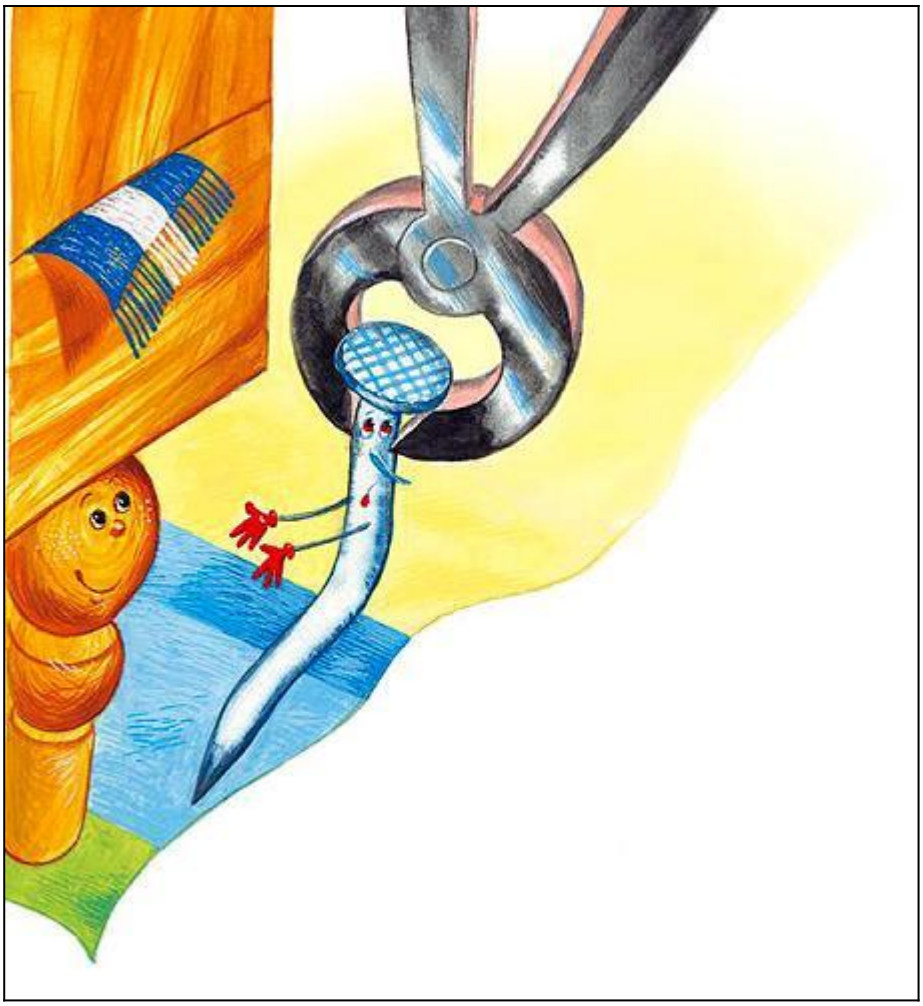
— Кому каша, а кому вакса! — наставительно сказал Сапожник и вдоволь накормил Ботинок густым чёрным кремом. Потом он провёл по коже Ботинка бархатной тряпочкой, и Ботинок так и засиял от удовольствия! Больше он уже ничего не просил, он был так доволен... Поэтому он не возражал, когда мастер забил гвоздь обратно в каблук.

А когда Толя вприпрыжку спешил домой, то вся без исключения публика на улицах — и деловито поскрипывающие сапоги, и менее деловитые туфельки, и толстые солидные галоши — все восхищались его ботинками: такие они были красивые.

И больше Ботинок никогда не просил каши, он ведь был не мальчик. Зато уж сапожный крем он требовал каждый день. И если Толя забывал его накормить, он становился мрачнее тучи, обиженно дулся, кривился и ворчал…

Того и гляди снова запросит каши.

Веник осторожно открыл дверь и заглянул в комнату.
— Ну и натоптали же!.. — сказал он, оглядев пыльный пол, и, не теряя времени, тут же принялся за дело. И, надо сказать, что он трудился не менее старательно, чем его дальняя родственница — Платяная Щётка, которая каждый день чистила короткие штанишки мальчика Пети.
Веник мёл, мёл и... вдруг заметил, что в одном месте пол совершенно чистый и даже блестит...
— М-да... — протянул Веник. — Видимо, тут уже побывали короткие штанишки мальчика Пети и собрали всю пыль. Бедная, бедная Щётка!..
И он ещё старательнее заёрзал по полу.
— Фу! — вдруг раздался чей-то голос сверху. — Опять напылили тут!
Это была тонкая фарфоровая Вазочка. Она целый день стояла на шкафу и абсолютно ничего не делала. Однажды, правда, в неё хотели поставить цветы, но она их не пустила, сославшись на то, что у неё очень узкое горлышко. Так она и красовалась на шкафу без всякой пользы, а над другими между тем издевалась.



Гвоздь сказал Веник, дыхнув пыли!— Подмела бы ты комнату и коридор, тоже бы запылилась! — оправдывался Веник.

— Вот ещё! Буду я пачкаться! — ухмыльнулась Вазочка. — Это только ты, неряха, на это способен!— Некогда мне тут с тобой пререкаться! — отмахнулся Веник и полез под кровать. Там он растолкал все туфли и ботинки, на что они, впрочем, нисколько не обиделись, потому что после этой весёлой толкотни пол становился чистым и блестящим.

А Веник между тем вылез из-под кровати и полез под шкаф.

— Ах! Ах! — заохала Вазочка. — Он опрокинет шкаф! Я упаду и разобьюсь!

Но Веник не обращал на неё никакого внимания и уже орудовал в углу, где было особенно много пыли.

Он старательно ёрзал туда и сюда... И вдруг за что-то зацепился. Это был маленький, кривой и очень вредный Гвоздь. Он страшно завидовал Венику, который путешествовал по всей квартире и даже иногда выходил на лестницу, в то время как он, Гвоздь, безвыездно торчал в половице. В своё время Гвоздю предлагали место в заборе, тогда он мог бы видеть ещё побольше Веника! Но Гвоздь наотрез отказался от такой перспективы. Его пугали превратности стихии — дождь, снег, мороз, и он предпочёл всему этому тепло и домашний уют.

А теперь он не мог примириться с тем, что Веник избрал себе более интересное дело, и старался ему навредить как только мог.

Ну а навредить ему он мог только тем, что регулярно каждый день выдирал из него прутики.

А сегодня он выдернул из него сразу два прутика. Веник только застонал от боли. Но тем не менее продолжал мести — не мог же он оставить этот угол неподметённым!

— Так его! Так его! — ликовала Вазочка на шкафу. — Скоро от него останется одна палка! И его выкинут в мусорный ящик!

А бедный Веник стонал, но продолжал трудиться.

К счастью, его стоны услышали Клещи, лежавшие в ящике стола. Они быстро пришли к нему на

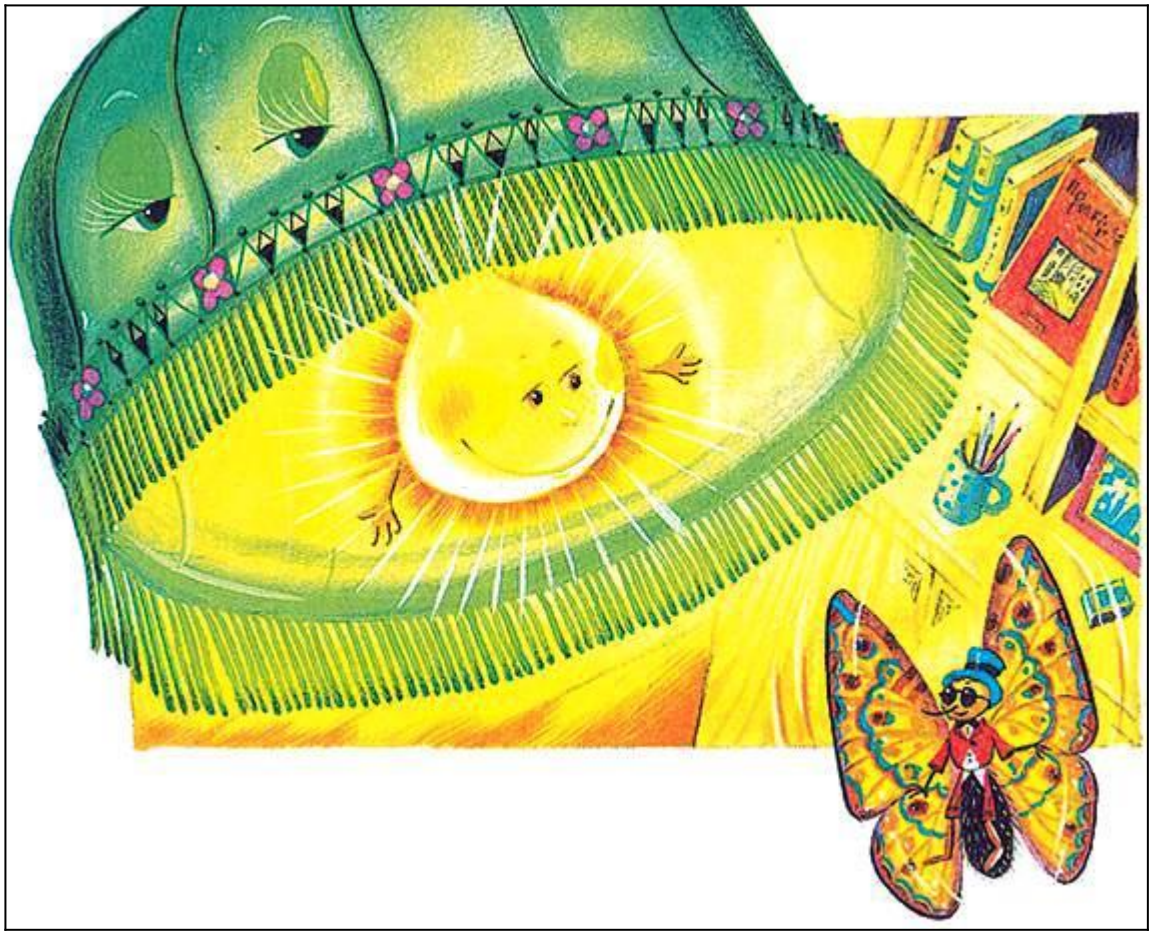
помощь.Клещи ухватили вредный Гвоздь за шиворот и быстро выдернули из половицы. Гвоздь только заскрипел от злости.

— Правильно! — сказала Дверь и так хлопнула, что в шкафу зазвенели все чашки, а Вазочка закачалась, закачалась и... полетела вниз... Блямс! И она разлетелась на мелкие кусочки.

Что оставалось делать Венику? Ему не хотелось и близко подходить к Вазочке и Гвоздю, но, к сожалению, пришлось. Он собрал их на совок вместе с пылью, и скоро они уже благополучно очутились в мусорном ящике.

И никто их не пожалел. Потому что никому в комнате не нравилась эта самодовольная Вазочка, которая только и делала, что хвалилась своим пёстрым нарядом. И зловредный Гвоздь тоже никому не нравился. Он лишь делал вид, что держит половицу, а на самом деле только рвал тапочки и ботинки. Поэтому все облегчённо вздохнули, когда этих неприятных соседей вымели из комнаты.

А Веник отряхнулся от пыли, хорошенько помылся под краном и отправился в гости к своей родственнице Платяной Щётке, которая давно уже вычистила Петины штанишки и поджидала его у зеркала в передней.



Летом она любила поболтать с Мотыльком, зимой — с Абажуром. С кем же ещё поговорить

Лампочке, весёлой, золотистой электрической Лампочке?!

Мотылёк кружился вокруг неё часами и рассказывал ей обо всём, что видел на свете. С Абажуром она чаще ссорилась. Он был неряха и только по праздникам чистил свои запылившиеся бока. Да, с таким соседом не прослывёшь чистюлей. А какой жадный! Весь свет, который излучала Лампочка, он хотел забрать одному себе.

Лампочка любила общество. Когда в комнате никого не было, она просто засыпала от скуки. Между нами говоря, она вообще любила поспать и делала это большую часть суток. Её будил выключатель. Чик! И Лампочка вспыхивала.Она была не только общительна, но и любопытна. В чужие комнаты она, правда, не заглядывала, но что делалось у себя в доме — знала отлично. Например, она прекрасно знала, что Федя выменял вчера новую марку. На ней был нарисован бородатый человек, по виду очень строгий, и написаны какие-то цифры.

«Ох уж этот Федя! — вздохнула про себя Лампочка. — Его интересуют только марки. Хоть бы раз помог своей бедной старой бабушке! Вот и сегодня — пришёл из школы и сразу уселся за альбом. Взял бы, что ли, тряпку да вытер пыль с Лампочки или — так уж и быть — с Абажура. А заодно можно и со Шкафа. Ему это тоже не повредит…»

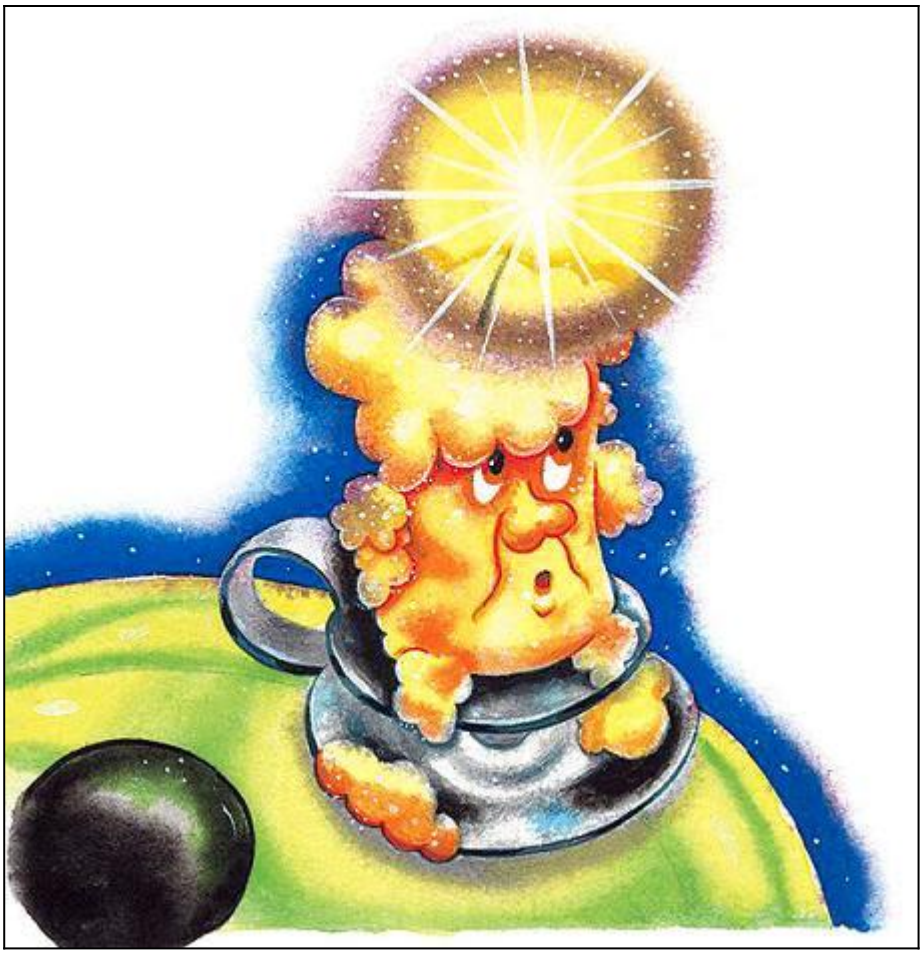
Нет, с этим мальчиком у неё старые счёты… Лампочка вдруг вспомнила все свои огорчения, ей стало грустно-грустно, она обиженно заморгала и… потухла.

Стало совсем темно. По стенам забегали светлые зайчики от троллейбусов, и вся комната закружилась, как карусель. А Федя вскочил и крикнул:

— Ах, гадкая Лампочка! — Он пощёлкал выключателем, но свет не загорался.

И тут начались удивительные события. На столе, откуда ни возьмись, появилась Стеариновая Свеча. Собственно, это была уже не Свеча, а оплывший Огарок. Он с важным видом уселся на кастрюлю, и комната озарилась неверным светом.

— Ура! — закричал Федя. — Хоть что-то видно!



И он снова занялся своими марками.Свеча сперва горела молча. А потом стала трещать, наверное, обрадованная тем, что наконец-то её извлекли из Шкафа и зажгли. Скоро она разгорелась и уже трещала без умолку. Недаром у неё был длинный и бойкий язычок.

— Эй вы там, наверху! — подмигнула она Лампочке. — Ну как, мы сгорели на работе?

— Ты ещё жива? — проворчала Лампа. — Удивляюсь, как тебя до сих пор мыши не съели.

— Как видите, жива и горю! — подтрунивала Свечка. — Чего нельзя сказать о вас.

— Несчастная трещотка! — возмутилась Лампа. — Да во мне сто таких свечей, как ты одна.

— Одна, но горю! — хихикала Свеча. — А вы — чик! И перегорели!

— Да что ты понимаешь в электричестве? — негодовала Лампочка. — Убирайся вон отсюда! Твоё время прошло!

— И не подумаю! — не сдавалась Свеча. — Я помогаю тут этому славному мальчику.

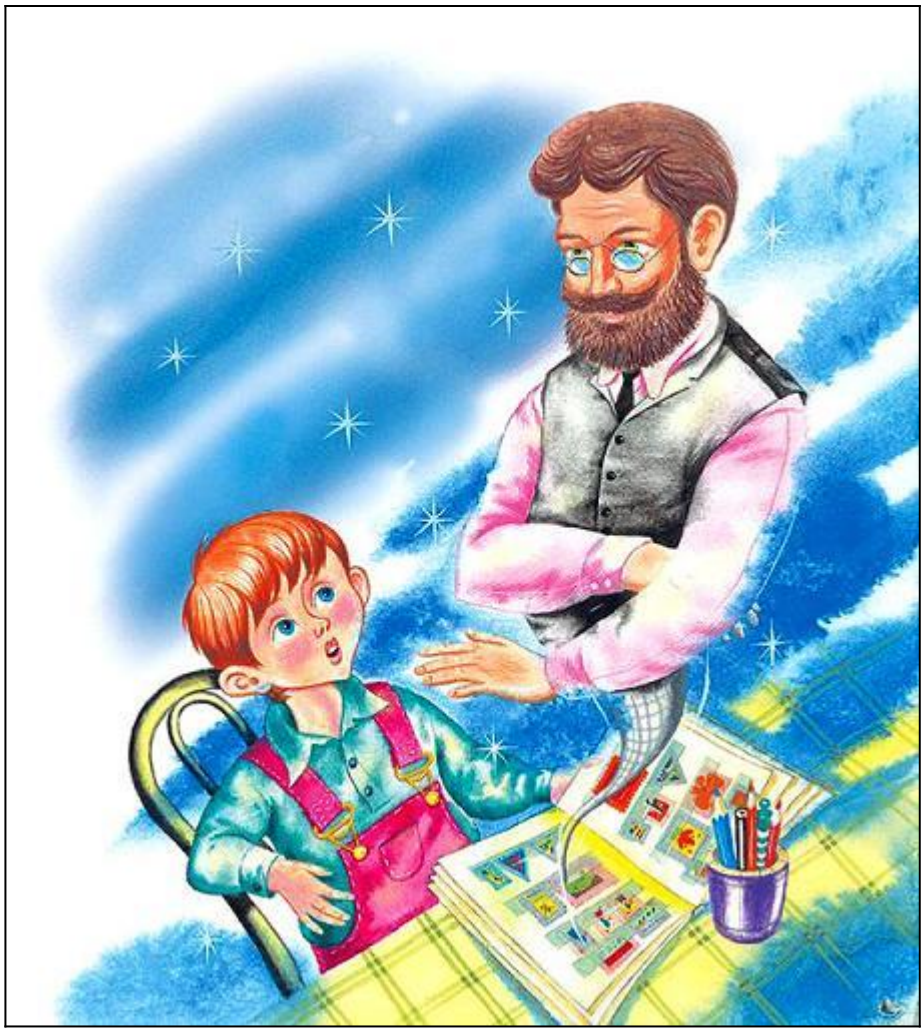
Перепалка не утихала.

— Остыньте, остыньте, уважаемая! — издевался Огарок.

Но Лампочка никак не хотела остывать. Свечка тоже, в свою очередь, так разошлась, что от неё во все стороны полетели искры и брызги, и одна горячая капелька стеарина упала прямо на новую марку!..

— Ой! — Человек, изображённый на ней, недовольно поморщился. И вдруг... Что такое? Он стал вылезать из марки!

Федя хотел было закричать, но крик застрял у него в горле. А Свечка от страха чуть совсем не



погасла.Между тем Человечек с бородой прямо на глазах начал быстро увеличиваться, расти, расти, расти... Пока не стал таким, как Федин папа. И, пожалуй, даже больше. Тогда он уселся в кресло и сказал:

— М-да... — Потом огляделся по сторонам и пристально посмотрел на мальчика. — Э-э, да я тут не один! Ну что ж, давай знакомиться.

— А я вас знаю, — пролепетал Федя.

— Гм... Кто же я, по-твоему?

— Вы... изобретатель Яблочков. Вот!..— Правильно, — удивился Человек из марки, — а я думал, ты совсем необразованный мальчик.

— Это что! — осмелел Федя. — Я даже знаю, в каком году вы родились и когда изобрели лампочку. Недаром у меня по физике пятёрка.

— Непостижимо! Ты всё знаешь и не можешь починить лампочку?! Что же ты делал на уроках по электричеству?

— Я менялся марками с Вовкой Чижиковым, — честно признался Федя.

— И ты смеешь вклеивать меня в альбом? — Изобретатель встал и хотел уже было уйти и хлопнуть дверью, но тут Федя бросился за ним:

— Куда вы? А как же моя коллекция марок?

— Можешь вклеивать туда разных слонов и бегемотов, если они только захотят у тебя оставаться.

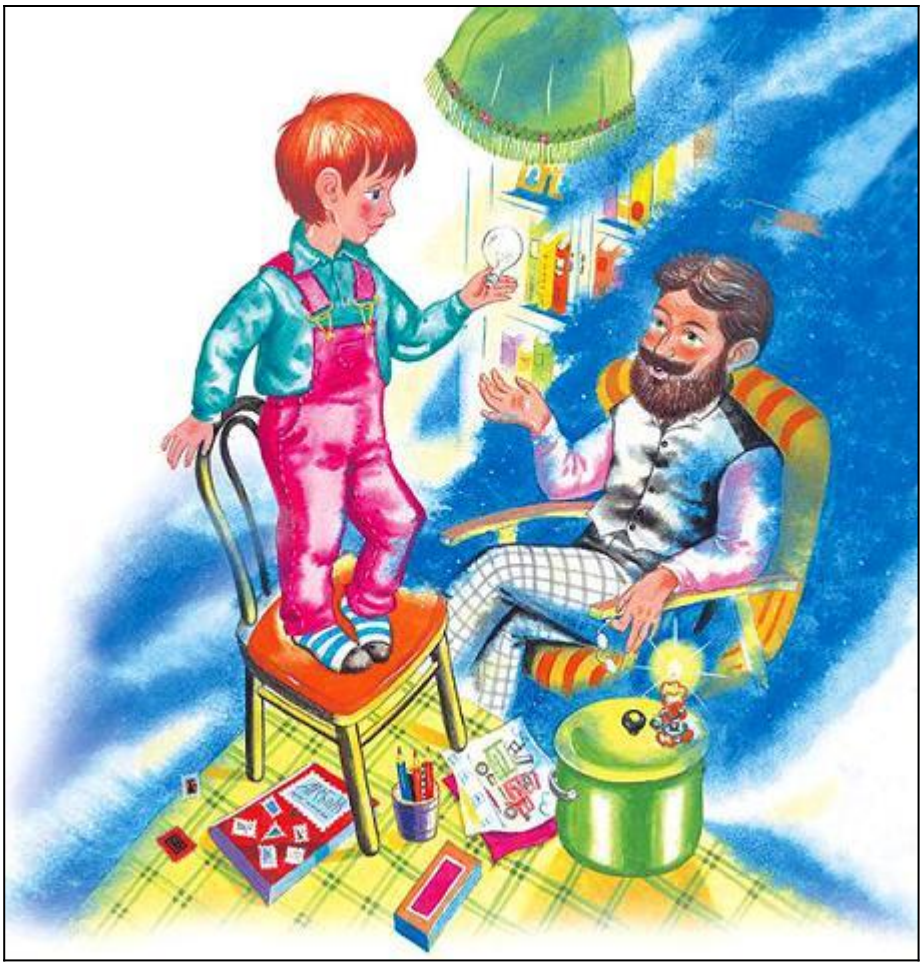
— Постойте, не уходите, товарищ Яблочков, — упрашивал Федя. — Я бы с удовольствием починил вашу лампочку... но я просто не знаю, как это сделать...

— Что же ты предлагаешь? — строго спросил Яблочков.

— Ну... вы почините, а я посмотрю...

— Спасибо! — усмехнулся изобретатель. — Я на своём веку починил не одну лампочку, не говоря

уже потом, потеи изобрёл. Полезай-ка ты ниже, я посмотрю... Ничего не поделаешь, Федя вздохнул, поставил стул на стол и полез наверх.



— А что мне с ней делать? — жалобно спросил он сверху.

— Вывинти её и посмотри, не перегорел ли у неё волосок!

Мальчик вывернул Лампочку и стал разглядывать её.

— Перегорела, перегорела! — шипела Свеча. Ее душила злоба, потому что минуты её были сочтены. Она уже вся оплыла.

А Федя всё вертел в руках Лампу и ничего не мог понять... Но тут уж Лампочка не выдержала.

— Зачем вы позволяете меня трогать?! — закричала она изобретателю. — Перегорел волосок! Да я ещё год буду гореть! Если этот мальчишка не будет трясти меня, как сейчас, хлопать дверью и оставлять на мне пыль!

— Я не буду хлопать дверью! Честное слово! — пообещал мальчик. — А пыль я уже вытер носовым платком. Но почему она всё-таки не горит?

— Почему не горю?! Почему не горю?! — запричитала Лампочка. — Да потому что я день и ночь вертелась. Здесь так пыльно и неуютно. Ну... вертелась, вертелась... И вывернулась!

Тут Федя ужасно обрадовался. Он быстро ввернул Лампочку в патрон, да так крепко, что она теперь не могла повернуться ни вправо, ни влево. И всё-таки... она не горела.

— Обманщица! — закричал Федя.

— Я же говорила, перегорела! — фыркнула Свеча. — Ха-ха-ха!.. Перегорела! — И она заколебалась от хохота.

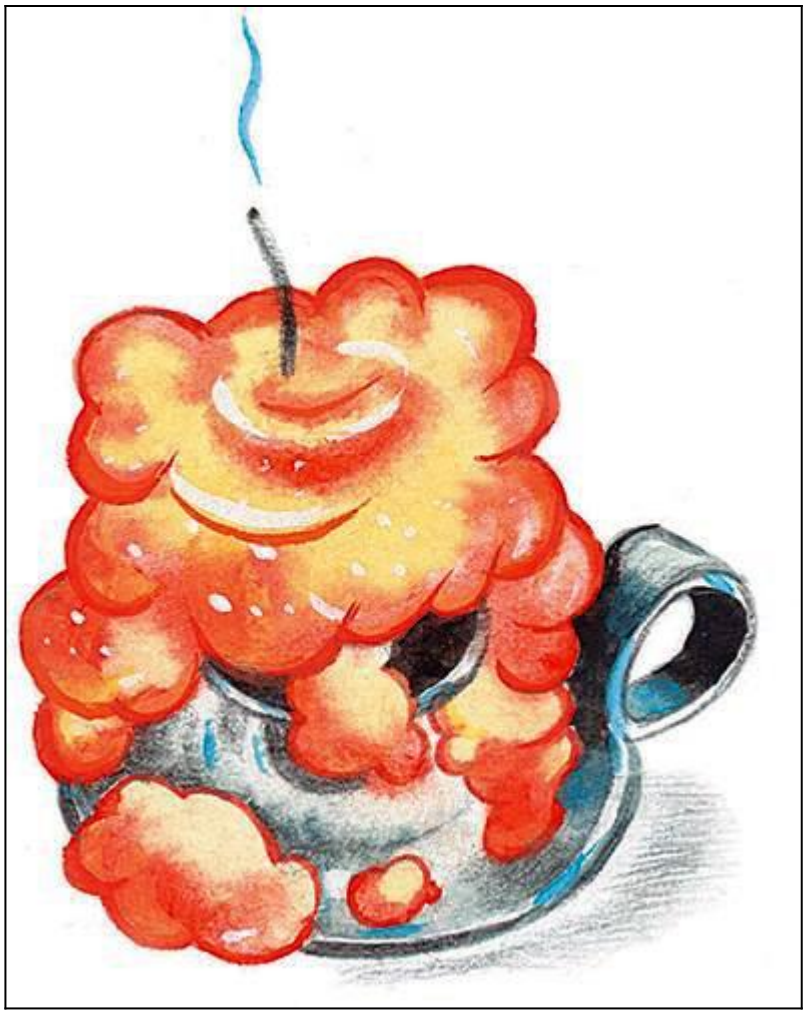
— Когда ты наконец перестанешь трещать, жалкий огарок? — презрительно бросила Лампочка. — А вы, молодой человек, забыли самую малость — меня включить.

— Верно, забыл! — радостно воскликнул мальчик, быстренько слез на пол и щёлкнул выключателем. Чик! Лампочка вспыхнула и... проснулась.

За столом по-прежнему сидел Федя и перелистывал свой альбом с марками. А Лампочку вытер и ввинтил Федин папа. И всё-таки она была очень довольна и сияла. Сияла, как маленькое солнце, разбрасывая вокруг золотые колосья света.

С тех пор она часто вспоминала эту историю и грустно говорила Абажуру:

— Ах, какой это был чудесный сон!



Жил-был Жираф. Он был мягкий и губчатый и, разумеется, жил не в Африке, а на полке рядом с зубным порошком. Каждый день утром и вечером он бегал в ванну, мылся с мылом и принимал душ. А вместе с ним купались и его друзья: губчатый Заяц, губчатый Медведь и губчатая Собака. Все они, в том числе и Жираф, принадлежали братьям и сёстрам. У каждого из ребятишек был свой зверь-телохранитель. Телохранителями они назывались потому, что охраняли тело от грязи. Что касается Жирафа, то он частенько намыливал шею Толе, который, между нами говоря, был

порядочный неряха. Неизвестно откуда у него вдруг появлялись на шее чернильные пятна и даже капли варенья. Но Жираф благодаря своей длинной шее мог заглянуть куда угодно, и от него не могло укрыться ни одно грязное пятнышко. Вы скажете, Жираф и сам весь в пятнах, но это ведь пятна родимые, они не отмываются.

Иногда звери для разнообразия меняли хозяев. Но, впрочем, только на один вечер. Так, Жираф, кроме Толи, еще ближе познакомился и с Галочкой, и с Федей, и с самой маленькой из детей Машей, которую обычно мыл Зайчик.

Вот так наш Жираф жил-поживал и ежедневно намыливал Толе шею, пока однажды ему это всё не надоело. И неряха Толя, и губчатый Медведь, который целый день говорил только о мыле, и вообще ему захотелось… в Африку.

Он грустно посмотрел по сторонам. Увы, всё вокруг было знакомо, привычно и неинтересно. Он вытянул длинную шею и заглянул в соседнюю комнату. И вдруг — о радость! — он увидел на столе двух других Жирафов — деревянного и фарфорового. Ах, как им обрадовался наш Жираф! Ещё бы, это же были его родственники. Не то что какой-нибудь губчатый Заяц. И он тут же решил отправиться к ним в гости. Наш Жираф храбро спрыгнул с полки и не разбился, потому что был сделан из поролона. Он только высоко подпрыгнул, когда стукнулся об пол. Затем ловко вскочил на стул, а оттуда — на стол!

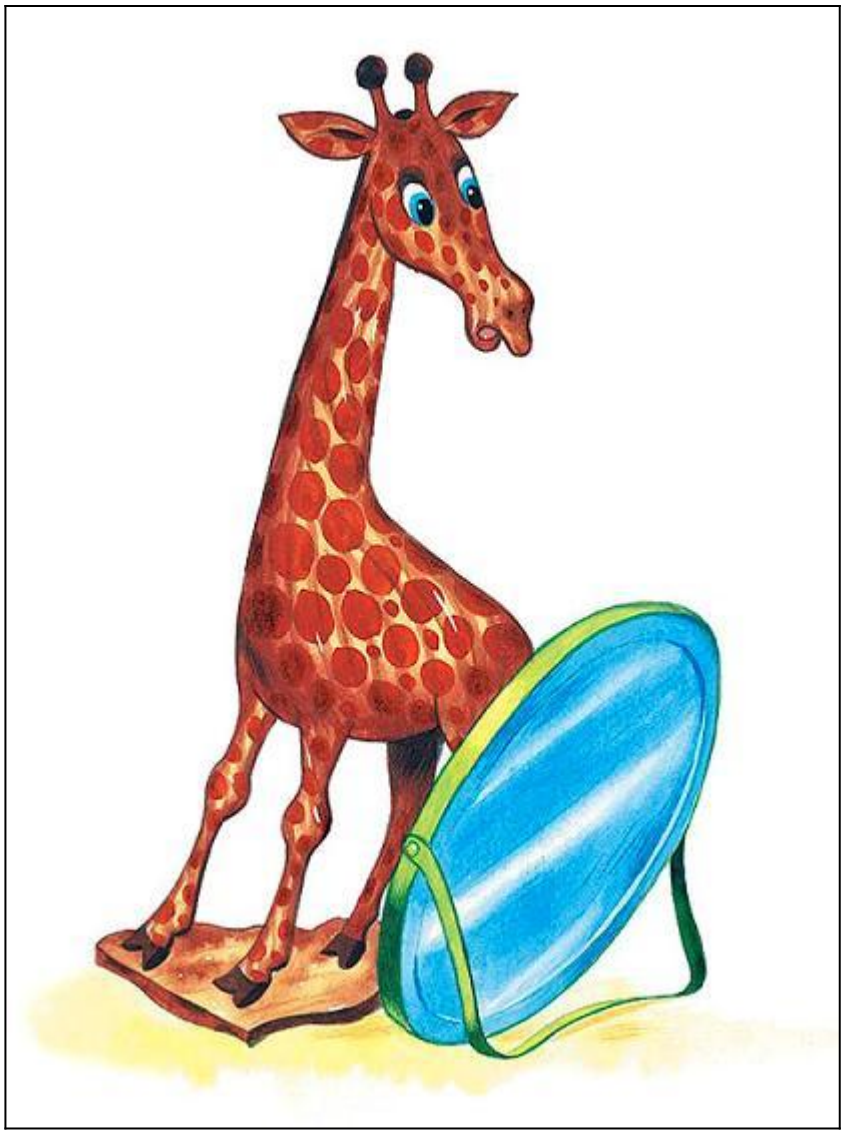
— Ах, какой храбрец! — в один голос сказали губчатый Заяц, губчатый Медведь и губчатая Собака. Но Жираф даже не обернулся в их сторону. Ведь тут на столе стояли его родственники — жирафы! Что ему за дело было до какого-то губчатого Зайца!

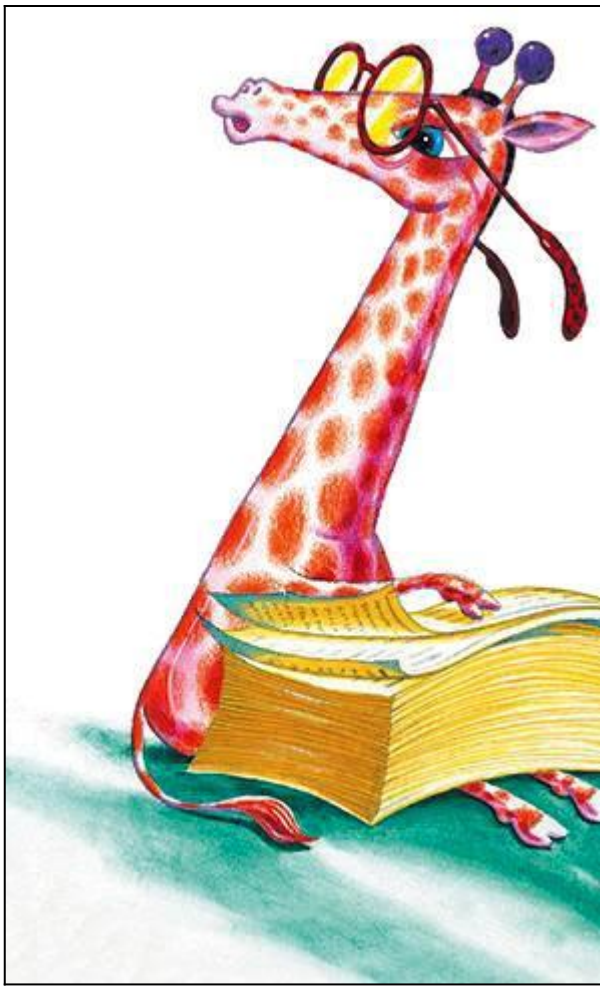
Наш Жираф брезгливо обогнул чернильницу. «Сколько в ней чернильных пятен!» — только подумал он и подошёл к фарфоровому Жирафу.

— Здравствуйте, фарфоровый Жираф! — робко сказал он. — Я ведь тоже Жираф, правда, губчатый… Так что мы с вами родственники.

— Добрый день! — солидно ответил фарфоровый Жираф. Он читал какую-то книгу, лежавшую на столе, и был, как видно, очень занят.

— Простите, а что вы читаете? — деликатно осведомился губчатый Жираф.
— Кхм... — сказал фарфоровый, солидно откашлявшись. — Это весьма поучительная книга — телефонный справочник. Я прочёл его и теперь знаю решительно всё на свете. От «А» до «Я»! А чем занимаетесь вы?
Губчатый Жираф смущённо потупился.

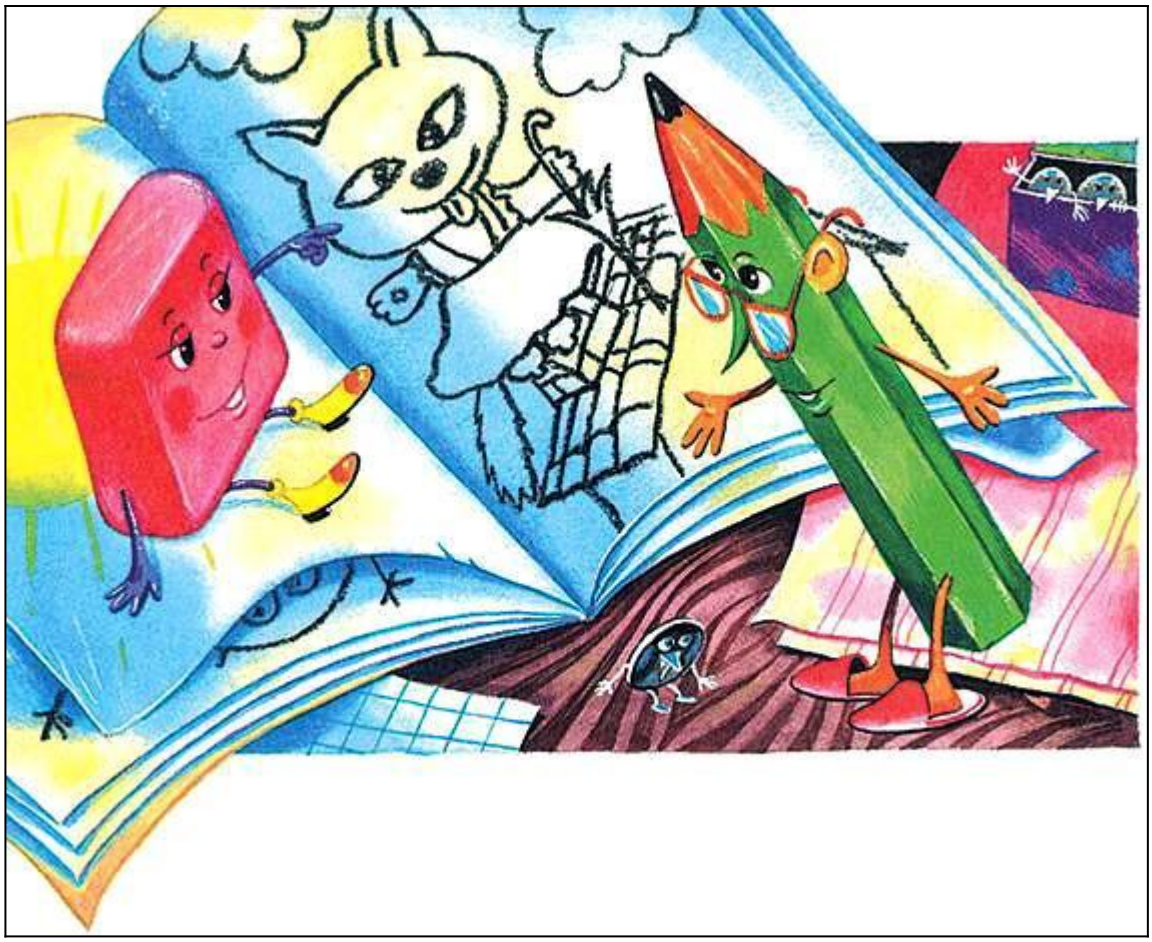




— Я… да я вот… мою маленьких ребятишек, — промямлил он, — с мылом…
— М-да… — надменно протянул фарфоровый Жираф. — Ну что ж, идите мойте ваших ребятишек. Чем вы их там моете? Мылом! Ну да… — И он снова углубился в чтение телефонной книги.
— Простите, — робко сказал губчатый Жираф, — так я пойду. Я хотел ещё зайти к другому родственнику — деревянному Жирафу.
— Зайдите, зайдите… — рассеянно пробормотал фарфоровый Жираф. Он был очень занят.
А губчатый Жираф пошагал дальше. Он прошёл мимо будильника и стаканчика с карандашами и увидел деревянного Жирафа. Тот стоял рядом с круглым зеркальцем для бритья и рассматривал в него свою длинную деревянную физиономию с маленькими изящными рожками.
— Здравствуйте, деревянный Жираф! — робко сказал губчатый.
— Привет! — небрежно бросил деревянный Жираф. Он повернулся к зеркалу вполоборота и стал рассматривать круглые чёрные пятна на своём жёлтом лакированном боку.
— Ну, как вы меня находите? — спросил он у своего губчатого родственника.
— По-моему, вы очень красивый! — восхищённо заметил губчатый. — Скажите, а что вы здесь делаете?
— Разве ты не видишь? — удивился деревянный. — Смотрюсь в зеркало.
— Вы разве всё время этим занимаетесь? — поинтересовался губчатый.
— Конечно. Регулярно и круглосуточно, — сообщил деревянный. — А разве ты считаешь, что тут не на что посмотреть, а?
— Что вы, что вы… совсем напротив! — пробормотал губчатый.

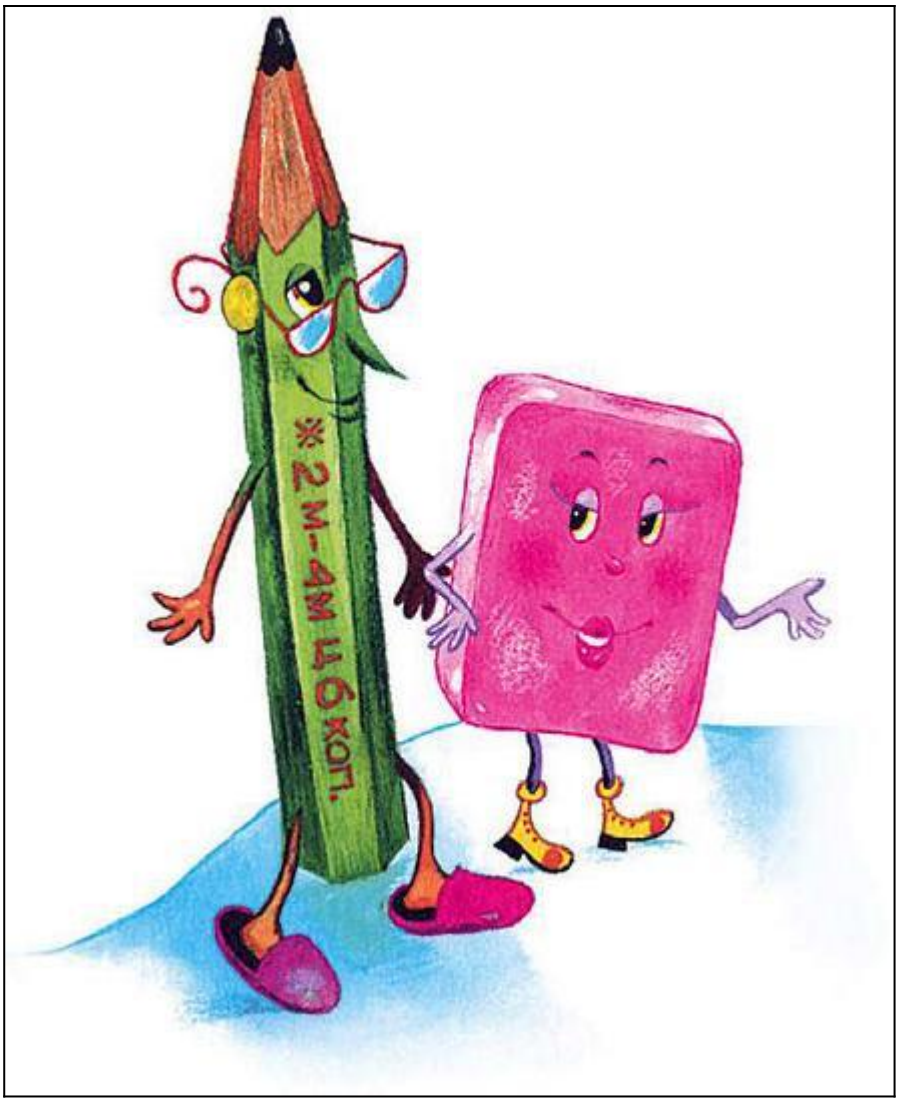
— То-то! — грозно заметил деревянный. — А ты чем занимаешься, а?
— Я? — словно застигнутый врасплох, пролепетал губчатый. — Я… мою маленьких детей… с мылом.
— С каким мылом? — удивился деревянный.
— С банным! — смущённо ответил губчатый.
— Ха-ха-ха! — захохотал деревянный Жираф, разглядывая свою улыбку в зеркало. — Он моет маленьких детей! Да ещё с мылом! Нашёл себе занятие. Да ты что — Жираф или банщик? Так на тебе потускнеют все пятна!
— Ничего, — тихо заметил губчатый, — мы стараемся: и я, и губчатый Заяц, и губчатая Собака…
— Вот и иди к своим зайцам и собакам! — захохотал деревянный Жираф. — Банщик! Не мешай мне разглядывать в зеркало мой лакированный нос!
— Простите… — тихо сказал губчатый Жираф. — Я, пожалуй, пойду. До свидания… — И он грустно поплёлся на свою полку.
— Что с тобой?! — завидев его, в один голос воскликнули Заяц, Медведь и Собака. — Может быть, твои родственники, жирафы, заболели?
— Нет, — покачал головой Жираф. — Они здоровы. Но мне с ними как-то не по себе. То ли дело с вами — моими верными друзьями!

И наш Жираф вдруг почувствовал, что ему необыкновенно хорошо тут, на полке, рядом с зубным порошком и работящей зубной щёткой.
— А я раньше и не замечал, как у нас тут чисто и уютно, — задумчиво сказал он. — Никуда я больше не пойду, а буду мыть наших ребятишек. Слушай, Медведь, расскажи мне что-нибудь такое… про мыло!



Карандаш был прямой, острый и решительный. Резинка же, напротив, мягкая, робкая и неуверенная. Но, несмотря на такое различие в характерах, они довольно дружно рисовали кораблики, домики, а иногда даже и человечков.

Вот и сегодня они рисовали красивый домик с кошкой на трубе. Сначала Карандаш нарисовал



[illegible] усы...— Что ты! — вдруг заявила Резинка. — У кошки таких усов не бывает! — И тут же стёрла усы ровно наполовину.

— Нет, бывает! — возразил Карандаш и восстановил усы в прежнем виде.

— А я говорю, не бывает! — сказала Резинка и опять стёрла. Несмотря на свою мягкость, она, где нужно, умела настоять на своём.

— Да что ты понимаешь в рисовании? — вспылил Карандаш.

— Кое-что понимаю! — обиженно сказала Резинка.

— Ну и рисуй сама! — отрезал Карандаш и отправился на соседнюю страницу рисовать каких-то чёртиков. Иногда он позволял себе такие вольности.

Он рисовал, а одним глазом всё-таки поглядывал на Резинку — не позовёт ли она его. Ему ужасно хотелось помириться, потому что он чувствовал себя неправым, но, как это часто бывает, первым мириться не хотел.

А Резинка подулась, подулась... но, увидев, чем занимается Карандаш на соседней странице, не выдержала и бросилась к нему.

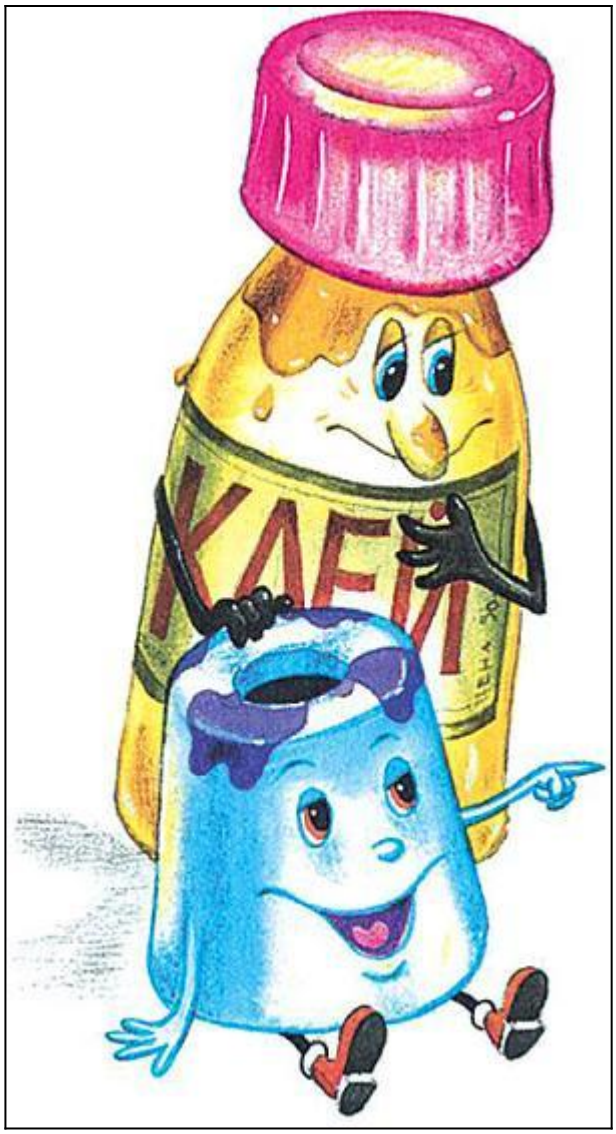
— Как тебе не стыдно! Я просто краснею за тебя!А надо сказать, что она и без того была розовая. И Резинка тут же энергично стёрла всех чёртиков до единого.

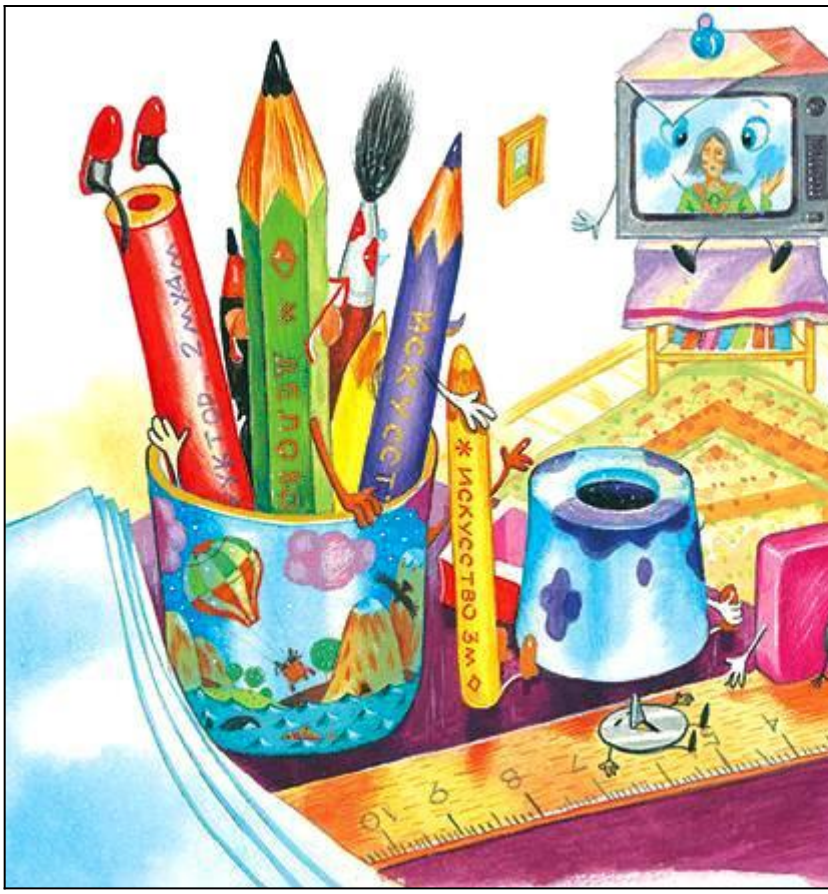
— Ну ладно, хватит ссориться, — сказала она, — пойдём дорисуем домик. — И повела присмиревшего приятеля на соседнюю страницу.

Вообще-то говоря, они частенько ссорились, и, как вы уже сами заметили, у них были для этого весьма серьёзные причины. Но в конце концов они всегда мирились.

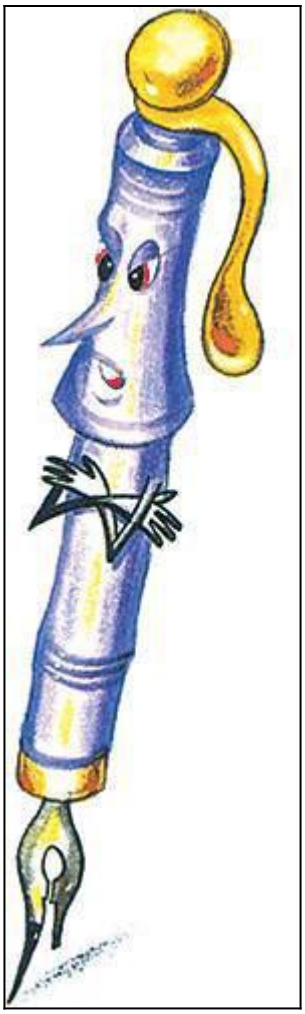
Карандаш отлично понимал, что Резинка ему только помогает и без неё домик никогда бы не получился такой красивый и симпатичный. К тому же Резинка никогда не спешила с критикой. Сперва отойдёт в сторонку, посмотрит в кулачок, прищурив один глаз, примерится, а тогда уж примется за дело. И то ещё долго мнётся, нерешительно потирая затылок.

Случалось, правда, и Карандашу исправлять Резинкины ошибки; сотрёт, бывало, ухо у зайца или кусочек хвоста, а у него и без того хвост маленький... и вот, пожалуйста, рисуй заново. Впрочем, Резинка никогда не обижалась и всегда признавала, что она тоже может ошибаться.





Короче говоря, постепенно они так подружились, что и дня не могли прожить друг без друга.
Наработавшись за день, Карандаш залезал в стаканчик, где уже собирались к этому времени другие Карандаши, Ручки и даже Кисточки. Резинка усаживалась рядом с Чернильницей, и они вместе смотрели телевизор.
Итак, они чудесно дружили. И всё было бы очень хорошо, если бы… не старая Ручка со сломанным пером. Она давно уже присматривалась к нашим друзьям. И эта дружба ох как ей не нравилась. Наверное, потому, что сама она ни с кем не дружила.В своё время она написала какую-то гадость, такую, что даже Перо не выдержало и сломалось. С тех пор она больше ничего не писала, но продолжала говорить гадости.
Вот и сейчас она сидела и думала, что бы ей такое сказать ядовитое. И вдруг её осенило!
— Видали?! — проскрипела она. — Жених и невеста! Ха-ха-ха! Жених и невеста!
Рядом стояла Чернильница. Она была ещё совсем маленькая и, разумеется, мало что понимала в жизни. Услышав, что болтала Ручка, она обрадовалась случаю подразниться.
— Ура! Жених и невеста!.. — завопила она.Это услышала Банка с клеем. Увы, она была не умнее Чернильницы и поэтому тоже подхватила:



— Жених и невеста!Карандаш и Резинка очень смутились. Резинка стала совсем красной, хотя, как мы говорили, она и без того была достаточно розовой. А Карандаш нарисовал такую кошку, что её нельзя было отличить от собаки.

— Знаешь что, Карандаш? — прошептала Резинка. — Ты очень хороший, но все так дразнятся... Лучше ты уж сам дорисуй как-нибудь...— Подумаешь, дразнятся! — проворчал Карандаш. — Ну и пусть себе!..

Но вконец смущённая Резинка заявила, что вместе рисовать она больше не будет.— Ну и не надо! — обиделся Карандаш. — Навязываться не буду! Иди к своей Чернильнице, больно она у тебя умная!

И стал рисовать один. Но у него ничего не получалось теперь. Некому было стереть лишние линии и смягчить резкие переходы.

Резинка тоже попыталась что-то изобразить, но понятно, что без Карандаша у неё ничего не вышло. И она от огорчения заплакала.

А все опять стали дразниться:

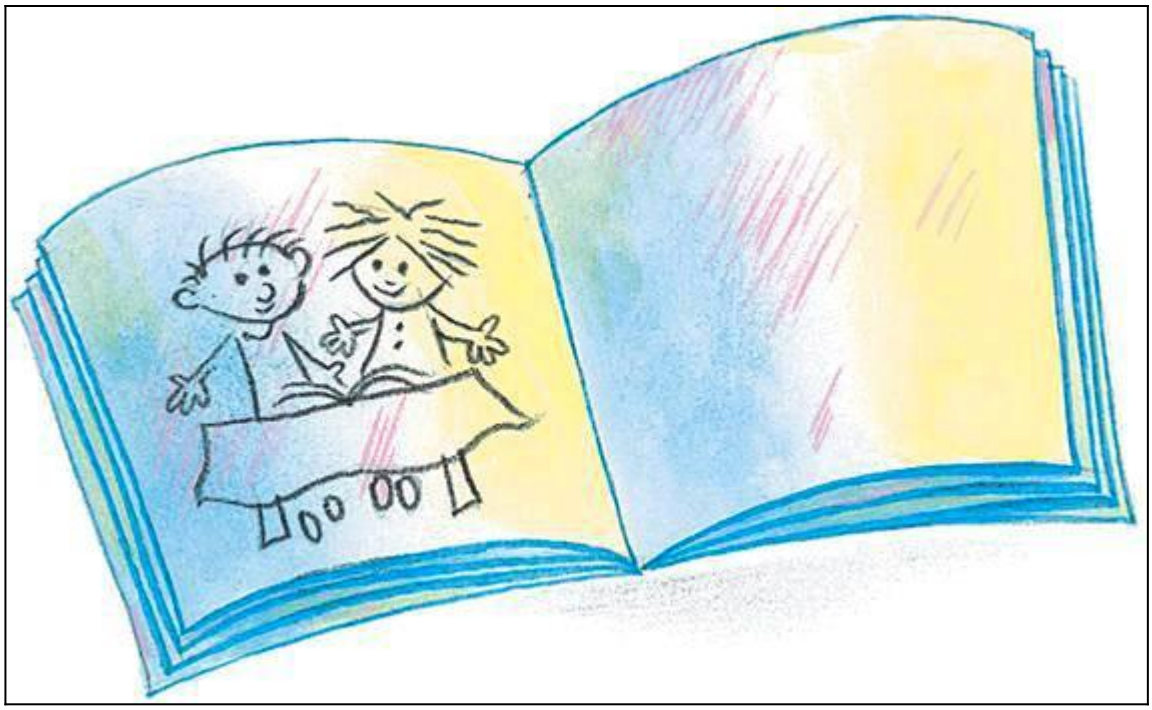
— Невеста-то у нас плакса! Плакса!

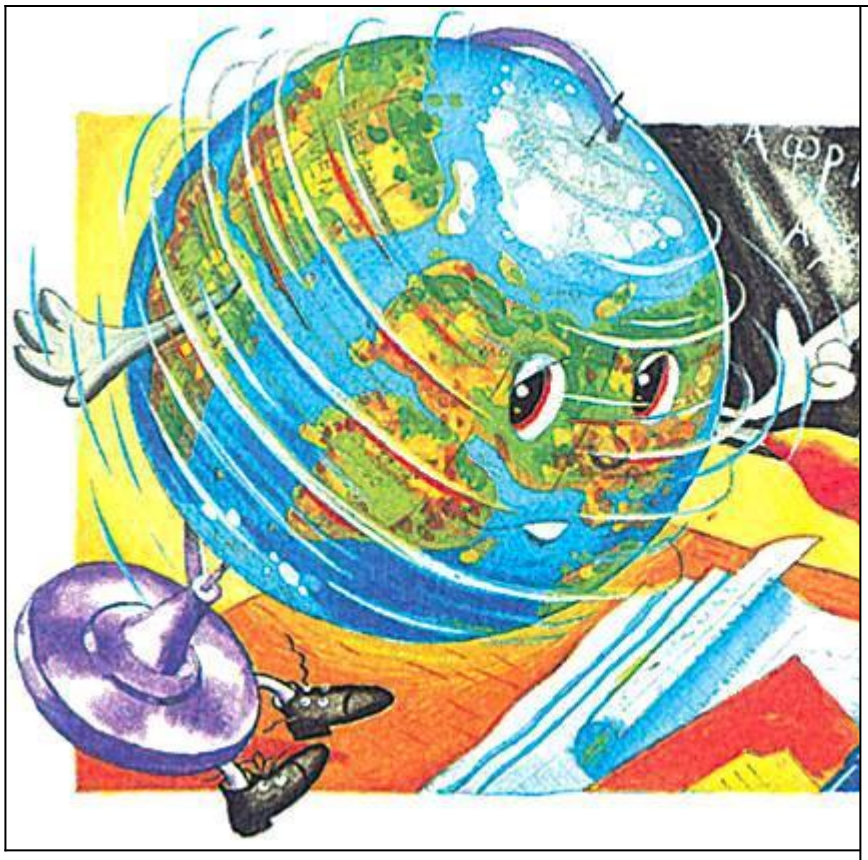
— Ну и плакса! — подпрыгнула Резинка. — А вы все нехорошие — дразнитесь! Подумаешь, жених и невеста! А сами? Вот Банка с клеем! Она смотрит телевизор вместе с Пузырьком для чернил. А Чернильница ходит в школу вместе с Пеналом! И ничего! Вот возьму и нарочно буду дружить с Карандашом! И дразнитесь себе сколько влезет!И Резинка направилась к своему покинутому другу. А тот в это время пыхтел над новым рисунком, но, кажется, опять безуспешно.

— Послушай, Карандаш, — застенчиво сказала Резинка, — давай я тебе помогу, а?

— Что ж, помоги, если тебе так хочется! — нарочно хмуро проворчал Карандаш. Но хмурый он был только с виду, на самом деле он чуть не прыгал от радости, потому что очень соскучился. И ничего у него толком не выходило.

Тут друзья бодро взялись за дело и быстро набросали новый рисунок: они нарисовали стол, а за столом сидели мальчик и девочка и читали книжку, и оба весело улыбались — наверное, потому, что книжка была очень интересная, и ещё, вероятно, потому, что никто им не кричал: «Жених и невеста!»





Глобус раскрутился изо всех сил, так что все материки и океаны слились в сплошные коричневые и синие полосы. Потом он ткнул в себя пальцем и попал прямо в Тихий океан.

— Ага! — радостно закричал он. — А я знаю, куда я попал! — Глобус считал себя большим знатоком географии и частенько так забавлялся. На уроках он всё время вертелся и не желал ничего слушать.

Он снова раскрутился и, ткнув себя в бок, остановился как вкопанный. На сей раз он попал пальцем в какой-то маленький островок…

В этот момент в углу кто-то захихикал. Это была географическая Карта, крепко скатанная в трубку и перевязанная ленточкой. Она ещё разок хихикнула и насмешливо спросила:

— А скажи, пожалуйста, уважаемый Глобус, как называется этот островок, в который ты так точно попал пальцем?

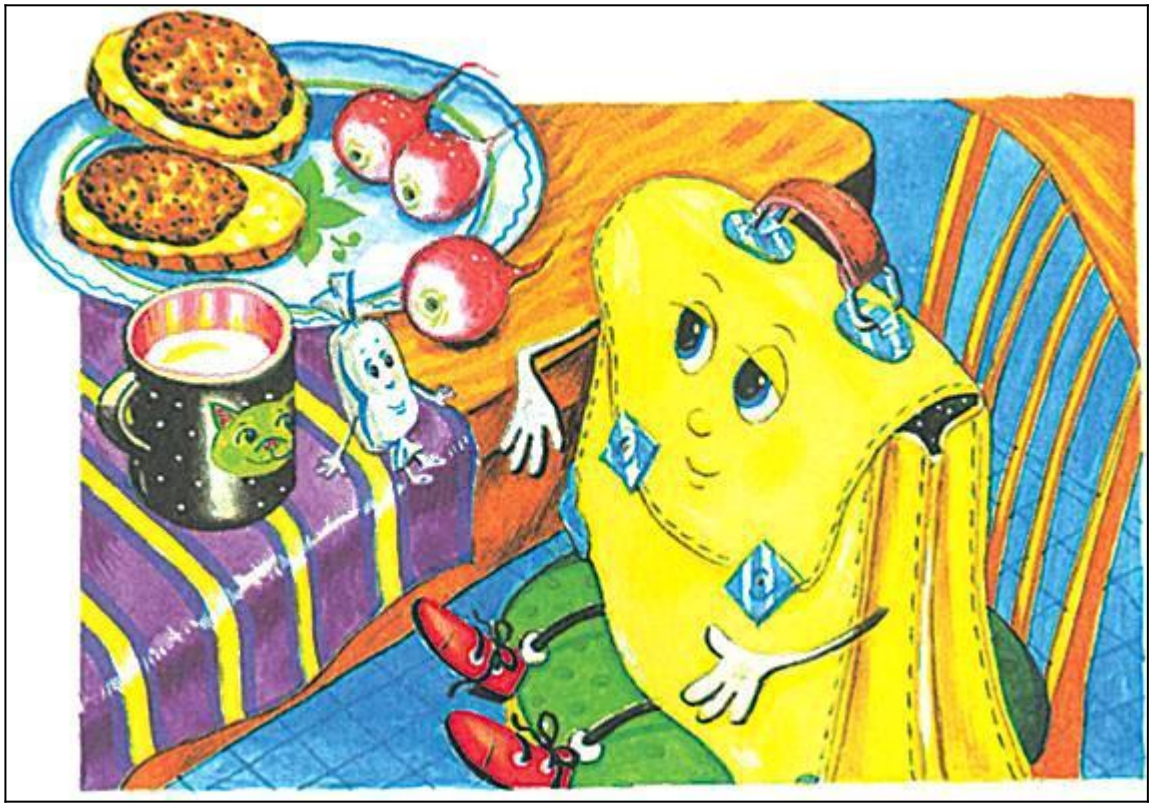
Но Глобус ничего не ответил. Ведь на океане было написано «Тихий», а на островке ничего не было написано. Поэтому Глобусу ничего не оставалось, как только смущённо почесать затылок. Впрочем, он быстро пришёл в себя.

— Я знаю, что земля круглая! — важно заявил он. — И с меня этого достаточно.

— Когда-то это было великим открытием, но теперь это знает любой дошкольник, — хихикнула Карта.

— Хе-хе, дошкольник… — проворчал Глобус. — Я ещё знаю, что земля вертится. Подобно мне!
— Это тоже знает любой дошкольник… — усмехнулась Карта.
— А сама-то, сама-то! — запетушился Глобус. — Плоская, как доска, а тоже — специалист по географии! Глядя на тебя, можно подумать, что земля тоже плоская!
— Но это же условность! — простонала Карта. — Скорее повесьте меня на стенку!
Её совершенно не устраивало то, что она стояла в углу, тем более что она ни в чём не провинилась. Больше всего она любила висеть на стене и распространять вокруг себя знания. На ней были написаны очень многие названия рек, гор и островов, и поэтому она отлично знала, как называется тот маленький остров, в который Глобус столь опрометчиво ткнул пальцем.
— А ты не знаешь! Не знаешь! — дразнилась Карта. — Эх ты, вертушка!
Она бы ещё долго издевалась над несчастным Глобусом. Но тут наши спорщики услышали тоненький насмешливый голосок:
— Послушайте, вы, уважаемая всезнайка, а не могли бы вы сказать, что растёт на этом острове, какова его площадь и кто там живёт?!— А вы кто такой, — возмутилась Карта, — чтобы задавать мне подобные вопросы?!

— Я — Учебник по географии! — прозвенел тоненький голосок. — Так не могли бы вы мне всё-таки ответить на заданный вопрос?
Но Карта только смущённо молчала.
— Не знает! Не знает! — завертелся от радости Глобус.
— Молчи… — буркнула Карта. — Сам-то круглый и пустой внутри. А с этим Учебником мы сейчас поговорим! Скажите, пожалуйста, великий знаток географии, а какие очертания берегов у этого острова?
Учебник деловито зашелестел страницами.
— Извилистые… — только и мог он сказать.
Тут даже Глобус расхохотался, потому что и он отлично знал очертания берегов. И мог описать их довольно подробно, хотя, конечно, не подробнее, чем Карта.
— Хватит вам ссориться! — вдруг сказала Указка, которая тоже, как и Карта, стояла в углу неизвестно за какие провинности.
— Нет, пусть скажет, — не унималась Карта. — Так кто же из нас лучший знаток географии?
— Все вы хороши! — сказала Указка. — Помогали бы вы лучше друг другу, потому что друг без друга вы ничего не стоите!
— Вы нам не указывайте! — проворчал Учебник. Но всё-таки он не мог не согласиться с этим совершенно справедливым замечанием.
— Действительно… — неуверенно заметила Карта. — Если мы будем трудиться вместе, сообща, то уж наверняка станем великими знатоками географии! А как вы думаете, сосед?
Но маленький Глобус ничего не ответил. Он, как всегда, вертелся и прослушал всё на свете.



Жил-был Портфель. Был он новенький, чистенький, блестящий, застёгнутый на все замочки. И очень любил ходить в школу.

В это утро он, как всегда, проснулся, встал со стула, на котором обычно спал, прислонившись к спинке, и бодро похлопал крышкой. Такую зарядку он проделывал каждый день. Затем он проверил, все ли тетрадки и книжки лежат на месте. О, это был очень прилежный Портфель. Он отлично знал, что всё уложил ещё с вечера, но на всякий случай решил проверить ещё раз.

Перед уходом не мешало бы также и закусить, и он положил в свой жёлтый объёмистый животик аппетитный завтрак: два бутерброда с маслом, на которых лежали по половинке котлеты, конфету «Буревестник» и три весёлые красные редиски. Всё это было аккуратно завёрнуто в плотную бумагу.

Довольный и сытый Портфель направился вниз по лестнице. Он никогда не катался на перилах, не скакал через три ступеньки и не пересчитывал палки в заборе, потому что от этого испортилась бы его сверкающая новая одёжка. А он был очень аккуратный и терпеть этого не мог.
Портфель бодро выскочил на улицу… и вдруг видит: навстречу ему другой Портфель.
— Здорово! — закричал тот. — Ты куда это так спешишь?
— Странный вопрос! Туда же, куда и ты! В школу!
— В школу? Очень-то мне нужно! — презрительно процедил второй Портфель. Он был весь грязный, поцарапанный и по виду довольно старый, хотя и был ровесником первому Портфелю. Их купили в один день в одном магазине.

Пойдём со мной. Я тебе найду настоящее дело.
— А как же уроки? — удивился первый.
— Ну, подумаешь, пропустим два урока. Всё равно я их не выучил.
— А я выучил… — простодушно заметил первый Портфель.
— А вдруг тебя ещё не вызовут? Вот и выйдет, что напрасно учил. Пойдём! — тянул его второй Портфель. — Сыграем лучше в футбол.
— Ха-ха-ха! Какой из тебя футболист? — засмеялся первый.
— А что? — гордо заявил второй. — Без меня ни одна футбольная встреча не обходится, стою в воротах за штангу! Пойдём — поставим тебя второй штангой!
— Может, после уроков… — неуверенно заметил первый. — И то… стоять в грязи?.. Так я могу испортиться!
— Испортиться? А я не боюсь! — заявил второй и лихо перевернулся в воздухе колесом, так что всё у него внутри загремело.

— Что ручка! Её можно проволокой прикрутить. А ты тюфяк и неженка! Да к тому же ещё толстяк!.. Толстяк, толстяк!!

Тут уж первый Портфель не на шутку обиделся:

— Если я и толстяк, то только потому, что ношу с собой все книжки и тетрадки, а ты, лентяй, забыл их захватить. А завтрак небось никогда не забываешь?

Тонкий Портфель ничего не смог на это возразить и поэтому полез в драку:

— А ты чего, ты чего?.. Я вот тебе сейчас как дам!

Но толстый Портфель драться не стал:

— Некогда мне с тобой связываться... но мы за тебя ещё возьмёмся, — твёрдо сказал он и пошёл своей дорогой.— Трус! — торжествующе завопил тонкий Портфель. — Ну и проваливай! Иди себе в свою школу! Засунут тебя в парту, и будешь там сидеть полдня! А мне и тут хорошо! — Он присвистнул, взлетел высоко-высоко, три раза перевернулся в воздухе и плюхнулся... прямо в грязь! И порвался... Из него высыпалось несколько рваных тетрадок, лохматые книжки и завтрак.

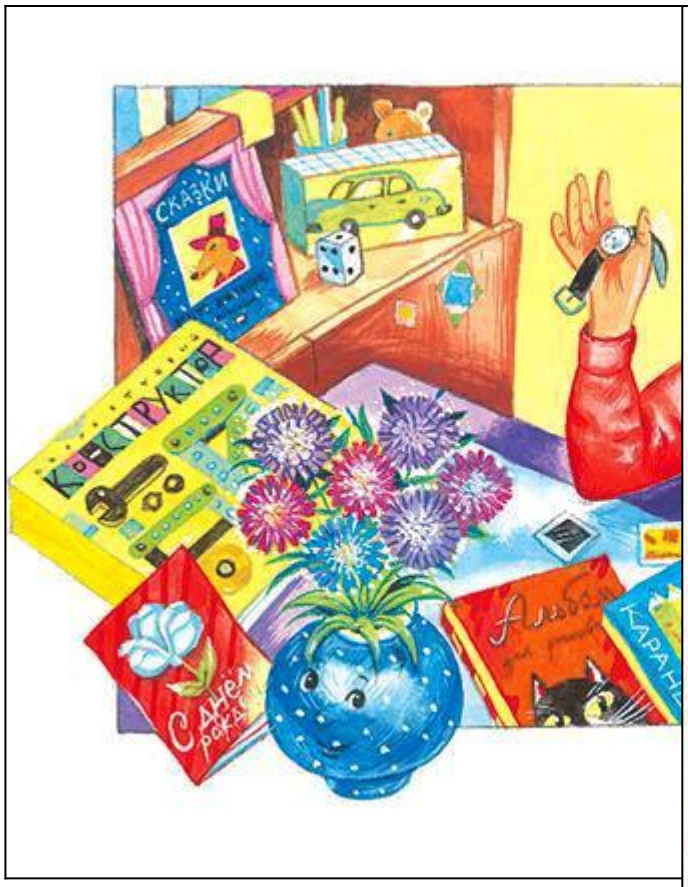
Неряха попытался водворить их обратно, но они снова высыпались... Тогда он вздохнул и сказал:

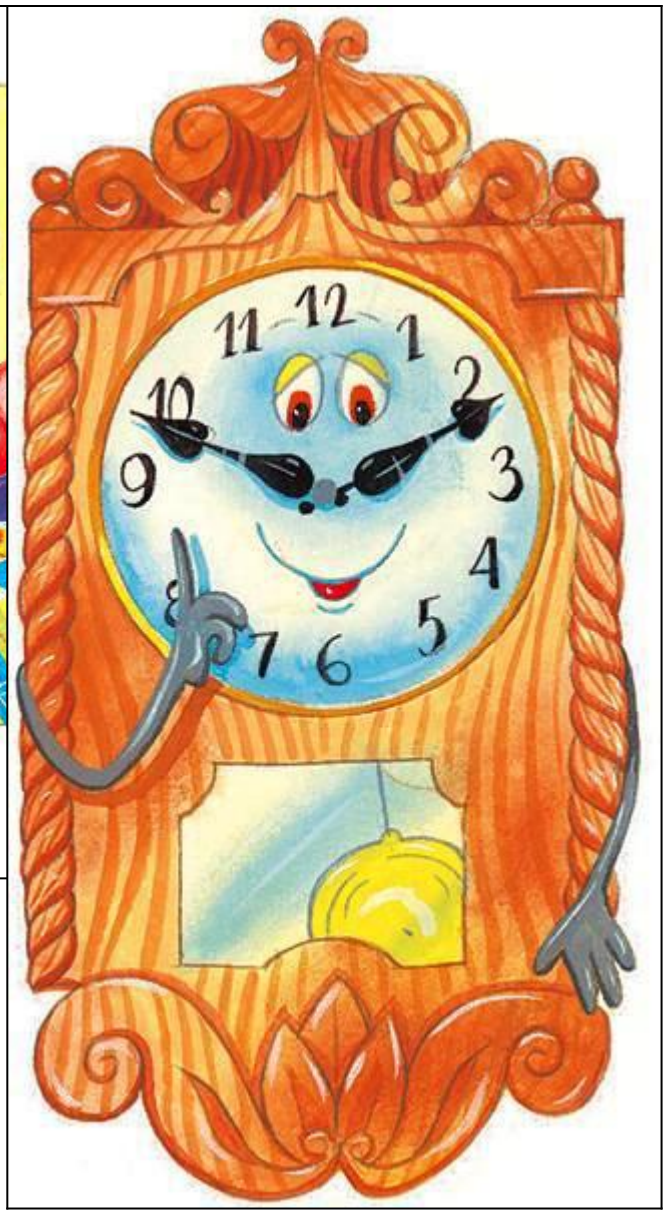
— М-да, я, может, и заглянул бы ненадолго в школу, но не могу же я идти туда в таком виде!

И он гордо направился в сторону ближайшего пустыря — занять своё место в качестве футбольной штанги.

А первый Портфель тем временем уже подходил к школе.

«Ничего, мы за него возьмёмся!» — повторял он про себя дорогой. Конечно, у него было уже не такое чудесное настроение, как раньше, но всё-таки он честно нёс свои книжки, тетрадки и завтрак: два бутерброда с маслом, на которых лежали по половинке котлеты, конфету «Буревестник» и три весёлые красные редиски.





Жили-были Стенные Часы. Ходили они не спеша… тик-так, тик-так… и показывали очень верное время. Каждые полчаса они мелодично звенели, напоминая окружающим о том, что время идёт и нельзя терять ни минуты. И маленький мальчик Федя ходил по этим часам в школу и никогда не опаздывал.Но в один прекрасный день мальчику подарили ко дню рождения Ручные Часы. В отличие от Стенных они ходили очень быстро: так-так-так-так-так…— Нет, не так! Нет, не так! — говорили им Стенные Часы.

— Нет, так! Нет, так! — говорили Ручные Часы. — Не учите, не учите! Сами знаем! Сами знаем!И они шли как хотели. И частенько показывали неверное время.

— Не лгите! Не лгите! — тикали Стенные Часы.

— Не учите! Не учите! — тараторили в ответ Ручные.Они то спешили, то отставали, впрочем, как и их хозяин, который спешил в кино и отставал по географии. И однажды Маленькие Часы до того запутались, что не знали даже, в какую сторону им идти и какое сейчас в действительности время. В конце концов они вынуждены были обратиться к Большим Часам:

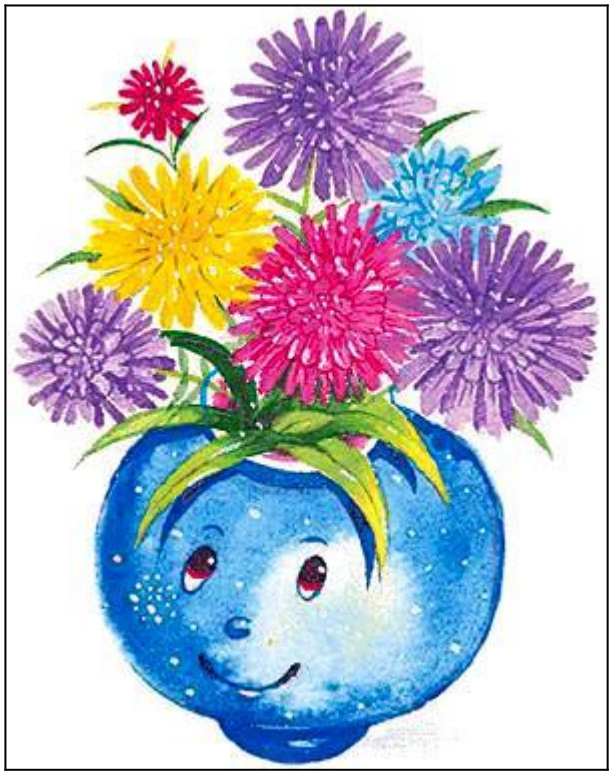
— Скажите, пожалуйста, который час?— Бом!.. Бом!.. Бом!.. — ответили Стенные Часы. — Уже три часа! Нашему Феде пора садиться за уроки.

С тех пор Маленькие Часы частенько стали поглядывать на Стенные: «Интересно, который час?»

А Большие Часы тоже, в свою очередь, поглядывали на Маленькие.— Куда вы спешите? Не торопитесь… Успеете.

Или:— Не отставайте, подтянитесь, идите в ногу со мной...

И Маленькие Часы вприпрыжку бежали за Большими. Так они научились правильно ходить.
А ведь это очень важно — ходить правильно. Всегда хорошо видеть, куда ты идёшь, и идти ровно, не спешить и не отставать — как Большие Стенные Часы.



Иллюстрации: Панков.